

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

ЯРОСТЬ РВЕТ ЦЕПИ

Ярость

Александр Романовский

Ярость рвет цепи

«Романовский Александр Георгиевич»

2003

Романовский А. Г.

Ярость рвет цепи / А. Г. Романовский — «Романовский
Александр Георгиевич», 2003 — (Ярость)

ISBN 5-93556-321-5

Не столь отдаленное будущее. Земля. Большую часть населения, уже не способного существовать на поверхности планеты, приютили колоссальные Ульи. Среди тех, кто ютится у подножия этих гигантов, живут необычные существа. Полулюди, полуволки – неудачная попытка Человека создать суперсолдат. Эксперимент вышел из-под контроля, и с тех пор все метаморфы подлежат безжалостному и методичному истреблению. Но однажды среди них находится Волк, которого не устраивает существующий порядок вещей...

ISBN 5-93556-321-5

© Романовский А. Г., 2003

© Романовский Александр
Георгиевич, 2003

Александр Романовский

Ярость рвет цепи

«...Можешь воровать и отнимать, но не убий.

Прячься днем, охоться ночью.

Мегаполис – твой враг.

Безволосые – его прислужники; не доверяй им.

Живи свободным, но помни – опасность повсюду...»

Заветы Волчьего Племени.

Собравшись с духом, Курт распахнул дверь.

Металлическая плита нехотя повернулась на несмазанных петлях, издав жалобный скрип. За проемом находилось то самое помещение, которое он долгие годы старался обходить стороной. Неприятные запахи, наводившие на мысли об иглах и сверлах, заставляли мех на зашивке подниматься торчком. Волчата никогда не крутились поблизости, инстинктивно стараясь убраться от Лазарета подальше.

Но сегодня был особенный случай. Многолетний страх исчез, смытый куда более неприятными чувствами. Курт перешагнул через порог и устремился в глубь помещения. Он чувствовал присутствие молодой волчицы, втягивал ноздрями ее родной запах.

У стен стояли кровати, застеленные простынями – такими белыми, что от них резало глаза. В дальнем углу виднелись два кресла. Одно из них, с большим подголовником, Курт изучил досконально (как, впрочем, и большинство других волчат). На этом кресле ему довелось познакомиться с крохотными, совершенно невзрачными сверлами, которые, тем не менее, причиняли страшную боль, вонзаясь в клыки. Но Доктор орудовал им с таким мастерством, что зубы прекращали болеть до следующего раза.

Назначение второго кресла, имевшего крайне причудливые формы, было для Курта уже не столь очевидным. Когда-то, когда он был неразумным щенком, он, в отсутствие Доктора, пытался на него усесться, но не получил от этого эксперимента никакого удовольствия. Ясно было одно: в странном кресле позволялось сидеть только Волчицам. Как щенки тех ни спрашивали, женщины хранили молчание.

Как бы там ни было, сегодня эта загадка менее всего занимала Курта.

Он ступал по гладкому полу бесшумно, опасаясь разбудить сестру, хотя и знал, что это не удастся и стае бесноватых щенков. Та уже две недели приходила в себя лишь на несколько минут, но Курта, как правило, не было рядом.

Вскоре он замер перед кроватью, что стояла у самого края. Звуки и запахи Стаи не долетали в этот угол. Полупрозрачная ширма закрывала койку от искусственного света, насекомых и неосторожных взглядов. Из-за этой неверной преграды доносилось хриплое дыхание – слишком громкое, ведь настоящий Волк контролирует себя даже во сне. Лишь услышав это дыхание, Курт почувствовал, как чья-то холодная лапа сдавила сердце. Запах Волчицы был гораздо печальнее – кисловатый и влажный.

Помедлив пару секунд, Курт протянул лапу и отодвинул ширму.

Джейн лежала на белоснежных простынях. Голова с всклокоченной шерстью покоилась на плоской подушке. Рот был приоткрыт, внутри лежал бледно-розовый язык. Глаза плотно закрыты. Черный сухой нос едва-едва отражал желтый свет.

Курт так стиснул кулаки, что когти вонзились в ладони. Сестра была столь беспомощной, такой незащитной... Она даже не могла постоять за себя, но совсем недавно считалась в Стае одним из самых опасных бойцов. Сейчас же мягкий мех как-то поблек, утратив серебристый отлив. Сильное тело заметно похудело, под кожей проступили ребра.

– Привет, приятель.

Вздрыгнув, Курт обернулся. Здесь ему не грозила опасность, но дело было в другом. Он так глубоко погрузился в себя, что не ощутил приближения другого самца. Определенно, это был плохой признак. От рефлексов, напоминавших крыс на раскаленной сковородке, остались лишь воспоминания. Болезнь сестры отбирала силы и у него.

Кивнув Доктору, он отвернулся к кровати.

Оба молчали. Курт не знал, о чем еще можно спросить. Два дня назад они проговорили всю ночь, но так и не пришли к чему-то конкретному. Очевидным было только одно: простого решения не существовало.

Молодой Волк ощупал взглядом гибкую полую трубку, по которой стекала голубоватая жидкость. Она поступала из прозрачного мешочка, что болтался на специальном штативе. Другой конец трубки заканчивался металлической иглой.

Доктор день ото дня накачивал Волчицу какими-то жидкостями, но лучше ей не становилось. Невидимое пламя высушивало ее изнутри, пожирало заживо. В голове у Курта вертелись странные, непривычные слова: злокачественная опухоль, метастазы, антибиотики, блокада, облучение гамма-лучами, хирургическая операция... Все, что касалось болезни, имелось в Лазарете, сокрытое внутри тела Волчицы. Но то, что могло бы сойти за лекарство, осталось где-то наверху, за пределами Убежища.

Все, что Доктор мог делать – это подвешивать к штативу все новые мешки с разноцветными жидкостями. Курт понимал, что не имел права сердиться, и все же ничего не мог собой поделать. Доктор делал все, что было в его силах, но не мог творить чудеса.

На это был способен только Спаситель.

Развернувшись, Волк направился в сторону скрипучей двери.

– Надеюсь, – раздалось за спиной, – ты не собираешься надеть глупостей, малыш?..

Курт заворчал, а потом сказал:

– По крайней мере, я не собираюсь сидеть и ждать, пока она умрет.

Ответом ему стал тихий вздох. Этот печальный звук провожал молодого Волка до самой двери, заставляя все более ускорять шаги. Он пулей выскочил в коридор и помчался к выходу.

Визит в Лазарет был обычной формальностью. И, отчасти, отвлекающим маневром. Присутствие брата не могло помочь Джейн, а только, напротив, приближало жуткий конец – пока он беспомощно ждал, когда Спаситель совершит чудо. Тем не менее, один вид страдающей сестры укрепил волю Курта, убедил, что другого выхода не существует.

Когда-то он позволил умереть своей матери. Она покинула их внезапно и тихо, будто кто-то погасил свечу. Брат и сестра были еще сопливыми щенятами пяти лет от роду. Они могли только смотреть и ждать. Но беспомощный щенок превратился в сильного Волка.

Теперь он мог кое-что изменить.

Возле выхода в Общий Зал Курт заставил себя успокоиться. Не годиться, если остальные Волки заметят его возбуждение. Они могут что-то заподозрить, и, чего доброго, попытаются его остановить. Им было наплевать на Волчицу, на ее боль и страдания. Их заботило лишь то, чтобы Убежище осталось неприкосновенным для безволосых – Священной Тайной Волчьего Племени.

В Зале было непривычно тихо. Несколько взрослых Волков беседовали за большим столом, да кучка щенков возилась с игрушками, которые родители похитили у безволосых. Огромное помещение протиралось на пару сотен метров, перегороденное через равные промежутки железобетонными сваями. Вдоль потолка тянулись металлические трубы, дававшие тепло. Вдоль стен стояла ветхая мебель, древние телевизоры, книжные стеллажи и прочий хлам, который Волки десятилетиями стаскивали в свое Убежище.

О том нелегком времени, когда Стая перебиралась сюда из соседнего района, Старейшина рассказывал страшные предания. Он сам был тогда всего лишь неразумным щенком, и, преимущественно, знал обо всех этих событиях со слов матери. Его отец, как и остальные

Волки, прикрывали Стаю с тыла и флангов, а Волчицы переносили щенков в новое Убежище. С тех пор этот день почитался в Стае как День Скорби и Памяти.

Старейшина любил повторять, что причиной всех этих нелегких перемен послужила глупость одного-единственного щенка, который повадился выходить на поверхность без должной осмотрительности.

Почему-то Курту на ум лезли именно эти слова.

Мотнув головой, Волк отогнал все сомнения. Похоже, никто не собирался рискнуть своей шкурой и преградить ему дорогу. Старейшина сильно сдал в последнее время, потому как в противном случае наверняка заметил бы терзавшую Курта Страйкера боль. С другой стороны, Доктор не мог все это время скрывать свои подозрения при себе.

Стая, безусловно, сочувствовала молодым Волкам – сестре и брату, убитому горем, – однако, вероятно, никто даже в мыслях не мог предположить, на что способен разочарованный Курт.

Собственно, у него не оставалось иного выхода. Никто не предложил своей помощи, за исключением украденных медикаментов и справочников. Специальное оборудование, о котором талдычил Доктор, было чересчур громоздким, чтобы можно было попытаться притащить его сюда. Оно превосходно охранялось, потому как стоило чрезвычайно дорого. Более того, Доктор очень сомневался, что смог бы использовать все эти приборы, попади таковые ему прямо в лапы. Это говорило о том, что вместе с оборудованием следовало похитить одного-двух безволосых.

Подобное мероприятие явно не под силу одному-единственному Волку – пусть даже молодому, сильному, и крайне упрямому. Курт нуждался в помощниках, а Старейшина ни за что не позволил бы привести безволосых в Убежище. Но, даже если допустить, что чудо свершится, безволосых пришлось бы убить, а это уже противоречило Первой Заповеди...

Куда ни повернись – везде препоны.

Не было ничего удивительного, что Курт решил на крайние меры. Боги и Судьба не оставили ему иного выбора. Если уж кому-то из безволосых так или иначе придется отдать жизнь за юную Волчицу, пусть это случится осмысленно и целенаправленно.

Впервые в жизни Курт Страйкер нуждался в деньгах. Прежде они с Джейн воровали или отбирали все, в чем нуждалась, прямо на улицах, у случайных безволосых (если, разумеется, этого не могла предоставить Стая). Но не на этот раз. Волк катастрофически нуждался в тех бумажках, или, на худой конец, электронных чипах, которые так ценили безволосые. Он даже виделся с хозяином нелегальной клиники, и тот сообщил, что почти наверняка вылечит Джейн. Для этого, конечно, требовались деньги. Причем немало – гораздо больше, чем носили с собой обитатели уличного дна. Одной бессонной ночью Курт вел подсчеты – ему пришлось бы ограбить примерно полторы сотни людей, чтобы заполучить искомую сумму...

Волк миновал Зал и вышел в коридор, по обе стороны которого тянулись проемы закрытых дверей. Из щелей тянулись старые, привычные запахи – вяленое мясо, соленые овощи, замороженные полуфабрикаты... Семьдесят процентов этих продуктов числились в Неприкосновенном Запасе: старые Волки то и дело твердили, что безволосые могут заинтересоваться Стаей, и Волкам придется лечь на самое дно. Последний раз, когда это случилось, никто из Стаи не покидал Убежища долгих три месяца, пока Старейшина не решил, что угроза миновала.

Теперь Курт думал об этих событиях с непочтительным оскалом. Он почти наверняка был уверен, что, если даже его затея удастся, Старейшина и все остальные о ней непременно узнают. Последний раз Заветы были нарушены много лет назад, задолго до рождения Курта. Тем не менее, участь преступников не вызвала сомнений; Старейшина не раз утверждал, что без колебаний свершит волю Предков.

Как бы там ни было, молодой Волк беспокоился об этом в самую последнюю очередь. Джейн выздоровеет, и, даже если брата изгонят из Стаи, это будет наилучшим исходом. Так Курту казалось.

Вскоре кладовые, источавшие привлекательные ароматы, остались за спиной. Волк распахнул тяжелую дверь и вышел к Лестнице. Узкие металлические ступени уводили наверх, в мир безволосых. К небу, ярким огням и не менее пестрому воздуху.

Невольно затаив дыхание, Курт приступил к подъему. Некоторые ступени хранили секреты, напичканные взрывчаткой и стальными гвоздями, – Лестница считалась первым рубежом обороны. Молодой Волк еще щенком мог легко миновать все ловушки, даже с закрытыми глазами. Большинство были весьма примитивны, но, за исключением безволосых, у Стаи не было природных врагов. А те становились такими беспомощными, когда у них отбирали хитроумные электронные игрушки.

На верхней площадке Лестницы находился пост Стражи. Все Волки, достигшие совершеннолетнего возраста, но еще далекие от того, чтобы участвовать в Совете, попеременно дежурили на этом самом месте. Курту также неоднократно доводилось нести это почетное бремя, и он с раздражением вспоминал часы ожидания, заполненные бездействием и далекими шорохами.

Сегодня дежурил Мамут. Он достиг совершеннолетия прошлой зимой, но был младше Курта на целых два года. Кроме того, Мамут уступал ростом на семь сантиметров, не говоря уже о массе и физической силе. Курт не сомневался, что без труда преодолеет это препятствие.

Завидев Курта, Мамут тут же расслабился, но все же спросил:

– Стой, кто идет?

– Это я, Страйкер, – ответил Курт. – Мне нужно ненадолго уйти.

Мамут с подозрением смерил его взглядом. Как и любой, кому когда-либо доводилось нести стражу у Лестницы, часовой имел при себе нож, копье с титановым наконечником и девятизарядный пистолет. Последний лежал в потертой кожаной кобуре, что висела у Волка на поясе. Пистолет являлся священным достоянием Стаи, и, согласно преданию, когда-то принадлежал самому Корригу – прародителю расы Волков. Извлекать оружие из кобуры без должной причины строго возбранялось, а потому мало кто из Волков мог похвастаться тем, что видел его в деле.

Как бы там ни было, Мамут не мог даже помыслить об этом.

– Ты выходил только вчера. Что происходит, Курт?

Волк подавил всплеск раздражения. В конце-концов, этот парнишка стоял на посту, один против целого мира.

– Мне нужно еще, – ответил Курт. – Имеешь что-нибудь против?..

Мамут медленно покачал головой.

– Я – нет. А вот Старейшина – почти наверняка. Безволосые что-то сильно оживились в последнее время, и мне велели быть настороже. То, что ты бегаешь на поверхность чаще, чем справляешь нужду, явно выходит за пределы разумного.

Тут Страйкер не выдержал. Ощерившись, он злобно зарычал.

За порогом его ожидало дело, за которое любого Волка без колебаний изгонят из Стаи. А какой-то щенок решил умничать и читать нотации, хотя исход разговора был уже предрешен!.. Вероятно, это его второе или третье дежурство, не больше.

– Вот что, Мамут, – прошипел он. – Если ты сейчас не откроешь Ворота, я прошибу их твоей головой. Усек?..

Мамут, вздрогнув, подался назад. От Курта не укрылось, как он перехватил древко копья. Страйкер невольно подумал, какой же смехотворной была эта зашита – не от него, а от Вселенной безволосых, простиравшейся за этой дверью. У них были такое оружие, что титановый наконечник покажется просто зубочисткой.

Но часовой, похоже, прочно вошел в роль.

– Ты не имеешь права так со мной разговаривать, – заявил он. – Сейчас я – представляю всю Стаю, и могу задавать любые вопросы. Зачем тебе на поверхность?

– Это тебя не касается. Если забыл, твоя задача – не впускать безволосых. А вместо этого ты наглеешь и строишь из себя большого начальника, вместо того, чтобы слушать звуки за дверью. – Вспомнив кое-что, Курт усмехнулся. – Или ты хочешь, чтобы родители Кэти узнали, с какой целью ты прячешь под подушкой резинки безволосых?..

Самоуверенное выражение тут же схлынуло с морды Мамута. Естественно – это был удар ниже пояса. Папаша Кэти славился строгостью и консервативностью взглядов – особенно в отношении собственных дочерей. Еще он славился тем, что, предположительно, мог одним ударом оторвать безволосому голову. В Стае это принималось за аксиому.

Бормоча под нос ругательства, Мамут развернулся и принялся отодвигать засовы. Пожалуй, дверь была самым прочным предметом в Убежище. Ее вес составлял около центнера, а ширина – метр с небольшим. Она открывалась наружу, петли были надежно утоплены в стальном косяке. Однако, несмотря на это, никто из Волков не сомневался, что при желании безволосые справятся с этой преградой играючи. Дверь предназначалась для того, чтобы как можно дольше удерживать их у Лестницы. Выходом Номер Два пользоваться запрещалось, однако все отлично знали, где он находится, и каковы ведущие к нему кратчайшие маршруты.

Курт нетерпеливо придвинулся к двери и помог Мамуту справиться с последними засовами. Всего их было около дюжины – толстые титановые полосы, загнанные в боковой косяк, пол и потолок. Рядом с правым косяком тускло мерцало оконце монитора, на который поступало изображение с внешней камеры. Та была отлично замаскирована и находилась на изрядном удалении от Выхода – даже щенок мог с первого взгляда отличить безволосого от нормального Волка.

Несколько секунд Мамут внимательно изучал изображение, и лишь после этого ухватил дверную ручку. Та представляла собой внушительную металлическую скобу, за которую могли взяться трое Волков. Курт зашел с левой стороны, уперся в дверь, и они с натугой толкнули. Дверь приоткрылась – без малейшего скрипа, – настолько, чтобы Страйкер смог протиснуться в щель, ни сантиметром больше.

Не говоря ни слова, Волк прыгнул вперед. Наконец-то он свободен.

Что и говорить, шантаж – подлая штука, но весьма эффективная.

Принюхиваясь и внимательно глядя по сторонам, Курт мчался по огромному подвалу. Вокруг, словно змеи, тянулись толстые трубы, энергетические кабели, оптоволокну и прочие штуки. Коммуникации надежно крепились под потолком, изредка сползая на пол и стены. Как правило, они появлялись из специальных колодцев в полу, и, проползая энное расстояние, исчезали где-то наверху. В бескрайнем подвале не было ни генераторов, ни других сложных механизмов. Расстояние от пола до потолка составляло менее двух метров, – достаточно, чтобы обнаружить и устранить любое повреждение. Кое-где появлялись стены, назначение которых было для Курта не вполне очевидным. Разноцветные буквы и стрелки указывали направления, разъясняя техникам, что и где они смогут разыскать.

Тут, в этом подполье, находился один из энергетически-коммуникативных узлов ближайшего Улья. Не самый главный, но далеко не последний. Обслуживающий персонал появлялся здесь очень нечасто, потому как строился Улей на совесть. Стая могла беспрепятственно красть у безволосых тепло, воду, энергию и даже информацию, однако делала это строго дозировано. Наверху не должны ничего заподозрить.

Как бы там ни было, Убежище располагалось крайне удачно. Здесь не появлялись уличные отщепенцы, потому как коммуникации являлись собственностью Улья. Тот «аппендикс», в котором обитала Стая, не имел особого значения, о первоначальном же его назначении можно

было только гадать. Возможно, это было нечто сродни бункеру или тайнику, задуманный архитекторами и забытый жильцами.

Он отсутствовал на всех официальных планах и схемах, что порождало в Стае самые различные слухи. Утверждали даже, что перед Переселением Волки пошли на сделку с безволосыми, чтобы те стерли «аппендикс» со всех чертежей. Это было весьма похоже на правду, потому как Старейшина давно подыскал для Стаи другое местечко, если дела пойдут совсем уж плохо. Местонахождение нового Убежища хранилось в строгом секрете – даже среди членов Совета.

Курт мчался среди толстых бетонных колонн, петлял и сворачивал, почти не задумываясь о маршруте и собственных действиях. Он изучил все это подполье еще щенком, когда мир безволосых казался особенно привлекательным. Но совсем недавно Волку стало мерещиться, как непомерная тяжесть давит на грудь, желает раздавить, смять беззащитную плоть. С ума сводила одна лишь попытка представить, сколько над головой находилось бетона и стали. Улей был необъятен.

Единственной возможностью избавиться от этого кошмара были вылазки на поверхность, – но только на время. Как всегда, время пробегало слишком быстро. Курт вновь и вновь принимался сожалеть, что так глупо им распорядился. Он возвращался в затхлое подполье, падал на койку, и, чтобы заглушить нараставшую боль, принимался мечтать. О думал о разных вещах, но, как правило, о том времени, когда они с Джейн покинут Стаю, чтобы поселиться где-то на поверхности, поближе к небу, солнцу и звездам... Сознание того, что этому никогда не суждено случиться, делало мечты еще слаще. Это был запретный плод, о котором никто не догадывался.

Хотя, с другой стороны, думать так было весьма самонадеянно.

Курт бежал по бетонному полу, перепрыгивал через трубы и пучки силовых кабелей. Его путь освещал ровный желтый свет, излучаемый лампами накаливания. Сенсоры заранее обнаруживали приближение твердого тела, после чего давали команду светильникам. Но, стоило Курту промчаться мимо, как лампы тут же выключались. Несколько метров полумрака, и другие сенсоры обнаруживали появление Волка.

Свет мчался вместе с ним, хотя Страйкер не нуждался даже в этом спутнике. Безволосые любили всякого рода удобства, не терпели темноты и легко могли заблудиться в собственных жилищах, ежели там вдруг отключат электричество. Курту было трудно представить, как они жили с таким обонянием, полагаясь только на зрение.

С другой стороны, у них была куча других преимуществ, о которых Волки могли только мечтать. Машины, обладавшие практически сверхъестественными возможностями, превосходные еда и питье, жилища, обставленные с роскошью и пафосом, мягкие безволосые самки... Наконец, они могли ходить где угодно, не прячась по душным подвалам!.. Они жили, будто короли, в своих недосягаемых Улях.

Осознав всю низость собственных мыслей, молодой Волк невольно сбросил темп. Жизнь с каждой секундой выходила из тела сестры, а брат продолжал мечтать о своем запретном плоде. Даже эту вылазку, которая могла оказаться для Джейн последним шансом, Курт воспринимал как новую возможность коснуться этого плода.

Неопределенное будущее одновременно страшило и притягивало его. Он никогда не слышал об участии тех Волков, которых в прошлом изгоняли из Стаи. Что, в общем-то, было неудивительно – из памяти изгнанников предварительно стирали всю информацию о местонахождении Убежища.

Страйкер никогда не решился бы уйти из Стаи. Тем не менее, нечто в нем страстно этого желало.

Осознав страшную мысль, Курт даже запнулся.

Возможно ли, что он решился на это злодеяние вовсе не из-за страдавшей сестры? Может ли быть, что это нечто, заставлявшее снова и снова подниматься на поверхность, подтолкнуло на дорогу, с которой нет возврата?! Втайне от себя самого он желал, чтобы его изгнали из Стаи. Вот только знал, что не переживет такого позора.

И подходящий случай представился.

Упрямо стиснув челюсти, Курт устремился вперед. Лампы пролетали мимо так быстро, что превратились в смазанные желтые пятна. До выхода осталось лапой подать. Что с того, если его догадка – правда? Что это меняет?.. Он любит свою сестру и сделает все, чтобы ее спасти. Если Богам угодно, чтобы его мечты осуществились именно этим причудливым образом... Что ж, тем лучше. Он готов.

Наконец ноги вынести его к лестнице. Никаких ступеней, одни холодные и неудобные поручни. Проем в потолке был аккурат такого размера, чтобы в него смог протиснуться крупный безволосый. Волкам это удавалось без труда, хотя когти порядком мешали обхватывать поручни.

Прежде чем приступить к подъему, Курт задержал дыхание и около минуты прислушивался. Остроконечные уши чуть подрагивали, улавливая малейшие колебания акустической среды. Ничего. Даже приложив левое ухо к металлическому поручню, он не услышал ни единого шороха. Безволосые вновь бродили где-то далеко.

Страйкер начал подъем. Лапы скользили по холодному металлу, и, чтобы не сорваться, приходилось прилагать изрядные усилия. Через несколько секунд голова вынырнула из бетонной полынью. Показался следующий ярус – по сути, практически ничем не отличающийся от предыдущего. Изошренности и глупости безволосых можно было лишь поражаться (ну и, конечно, завидовать). Они возводили свои Улья для того, чтобы сэкономить место для прочих особей. Однако, на деле получалось, что огромные помещения предназначались исключительно для того, чтобы обслуживать другие. И – до бесконечности. В таком случае, кто сидел на самом верху?.. Это была одна из тех загадок, которые Курт никак не мог решить.

Помедлив, он вновь прислушался, попробовал воздух на вкус. Ничего. Но вдруг совсем рядом раздался тихий шорох, словно что-то тащили по бетонному полу. Волк осторожно выглянул наружу.

Как он и думал, это оказался один из роботов-ремонтников, которых безволосые выпускали в подвал, чтобы чинить мелкие поломки. Внешне эта машина напоминала таракана – большого, с блестящим металлическим хитином. Он неторопливо перебирал тонкими ножками, продвигаясь куда-то по своим делам и освещая дорогу фонариком. Казалось, работа ничуть не заботило, что происходит вокруг, но Старейшина советовал держаться от этих штукovin подальше. Радиосвязь в подполье была ужасной, ввиду обилия бетонных преград и высоковольтных кабелей, поэтому тараканы-ремонтники были предоставлены самим себе. Тем не менее, безволосые могли научить их обращать внимание на все подозрительное, а также запоминать увиденное. Появление таких шпионов имело бы для Стаи крайне печальные последствия.

Как Волк ни торопился, природная осторожность победила. Он ждал, повиснув на поручнях, пока стальной таракан не уберется на достаточное расстояние. Это был парадокс номер два – безволосые создавали одни машины, а затем другие – чтобы те обслуживали предыдущих. Стало быть, у этого таракана также имелись свои слуги, тогда как на подземном ярусе обитали его повелители – генераторы, распределители, трансформаторы и прочие, прочие... А где-то в самой глубине, если верить слухам, находился подлинный Властитель – ядерный реактор, энергия которого питала весь Улей. Концентрация безволосых была там особенно велика. Огромный лифт опускался и поднимался дважды в сутки, когда сменялись рабочие. Даже безволосые не осмеливались переложить всю ответственность на одних лишь машин.

Дождавшись, когда блики фонарика погаснут вдали, Страйкер продолжил подъем. Он миновал еще два уровня, заполненных тьмой и тишиной – лишь на расстоянии мерцали мониторы, да перемигивались диоды. Каждый лестничный пролет предусматривал короткую задержку: поручни начинались чуть правее от проемов в полу, чтобы техникам не пришлось лететь чересчур далеко. Кое-кто из Волков проверил это на собственной шкуре. Безволосые предвидели многое, и все-таки отнюдь не все.

Вскоре холодные поручни окончились. Потолок на этом уровне был много выше, нежели на предыдущих. Светильники безразлично освещали огромное пространство. Вокруг, пока хватало глаз, возвышались ровные ряды одинаковых металлических ящиков. Внутри что-то время от времени попискивало, трещало и звякало. Именно сюда безволосые любили заходить чаще всего, однако никого в пределах видимости не оказалось.

Курт взобрался на металлическую площадку, огороженную поручнями, и направился в сторону проема. Как обычно, не доходя пару метров, Волк замер с благоговением. За этой дверью простирался внешний мир. Казалось, его запахи проникали даже сквозь толстый металл – такие манящие и завлекательные, – чего, конечно, быть не могло.

Прежде чем подойти к двери, Курт внимательно изучил картинки на трех мониторах. Камеры транслировали изображение извне, под разными ракурсами. На каждом из мониторов, разумеется, была внешняя сторона двери, лестница и кусок улицы. Инструкция, выведенная на стене большими черными буквами, наставляла сперва удостовериться, что в пределах видимости нет подозрительных субъектов, и лишь после выходить наружу. (Невзирая на то, что охранники Улья жестоко карали нарушителей, улица с прежней скоростью плодила отчаявшихся.)

В отличие от техников, Страйкер не опасался грабителей, а потому изучал мониторы именно на предмет обслуживающего персонала. Было бы весьма нелепо, если не сказать большего, столкнуться с безволосыми нос к носу у самого порога. Но улица и лестница были абсолютно пусты, никто не затаился под перилами или ступеньками, хотя насчет мусорных баррикад ничего определенного сказать было нельзя.

Курт протянул лапу и нежно прикоснулся к белым клавишам. Когти тихо стучали по пластику, пока Волк осторожно, словно молитву, набирал пятизначный код. Цифры пылали в мозгу обжигающим пламенем. В истории нынешнего Убежища уже случалось, что безволосые, не потрудившись уведомить нелегальных жильцов, самовольно меняли последовательность. Страйкер молил Богов, чтобы этого не случилось именно сегодня. В противном случае пришлось бы возвращаться, чтобы прихватить машинку – бесценное достояние Стаи – которая могла взломать любой электронный замок. А это вызвало бы массу нежелательных проблем и вопросов.

Как оказалось, Боги ничего не имели против. Замок без возражений принял код и щелкнул запорами. Курт положил лапу на дверную ручку и мягко нажал. Дверь беззвучно распахнулась. Ночная прохлада хлынула в проем, взъерошила шерсть на загривке.

Не теряя ни секунды, Волк переступил порог и вернул дверь на место. Он мчался по лестнице, перепрыгивая через две-три ступени, чтобы как можно быстрее оказаться на земле. Никто не должен заметить его вблизи двери или лестницы. Только спрыгнув на асфальт и пробежав несколько метров, он позволил себе сбавить темп.

Разнообразные запахи кружили вокруг, смешиваясь и принимая самые невероятные оттенки. После целомудренной стерильности Улья такой хаос шокировал, обрушивался на обоняние Курта подобно кувалде. Сперва ему даже казалось, будто он воспринимает запахи почти визуально – разноцветные струи исходили от своих источников, парили в воздухе, образовывая причудливые сюрреалистические фигуры. Большинство запахов были окрашены в темные тона – коричневый, серый, бардовый... Ну и, конечно, множество оттенков. Поскольку их источниками служил мусор, лежавший вокруг в изобилии, Страйкер не мог бы сказать, что ему все это по душе. Тем не менее, именно здесь, на поверхности, он мог по-настоящему ощу-

тить всю мощь собственных чувств. Считанные секунды спустя Волк был абсолютно уверен, что поблизости нет ни одного живого существа – за исключением, пожалуй, нескольких крыс, копошившихся в мусоре.

Курт открыл глаза. Его зрение ощутимо уступало обонянию, и все же ему с лихвой хватало рассеянного света луны, звезд и отблесков Улья, чтобы фиксировать мельчайшие подробности.

Подворотня оканчивалась тупиком. К стене Улья, словно в поисках защиты, прильнуло какое-то здание с выщербленными провалами окон. Курт ни разу не видел, чтобы внутри мелькнул чей-либо силуэт или вспыхнул огонек; служба безопасности Улья, очевидно, регулярно проводили там дезинфекцию, как и во многих других «прилипалах».

Металлическая лестница, ведущая к дверному проему, ломала себе хребет всего единажды. Расстояние от земли до верхней площадки составляло никак не менее восьми метров – разумная предосторожность, не более. Когда в Улье случались прорывы магистралей (или, что было больше похоже на правду, техники «продували» системы, совершенно не беспокоясь о близлежащих кварталах), вода и дерьмо поднимались в низинах на несколько метров.

С противоположной стороны тупик ограждала высокая бетонная стена, по гребню которой тянулась колючая проволока. Судя по огромному пролому, что имел место у выхода из подворотни, данная преграда уже давно никого не могла защитить. Форма дыры утверждала о том, что когда-то в стену въехал танк, и это Курта уже давно перестало удивлять. В просветах колючей проволоки маячили крыши Гетто – кварталы, населенные теми, кому не посчастливилось получить местечко в одном из Ульев. С другой стороны, соответственно, были видны ярусы гигантского сооружения, и колючая проволока на этом фоне смотрелась еще более уместно.

Подумав об этом, Курт машинально задрал голову. С такого ракурса, когда он стоял практически вплотную к колоссальной стене, вид открывался не слишком впечатляющий. Всего-навсего плоская темная поверхность, усыпанная гроздьями разноцветных огней. Порой это зрелище напоминало Волку одну из тех взлетных полос, что он видел на фотографиях и голограммах. В такие моменты ему хотелось стать реактивным истребителем, чтобы одним прыжком добраться до звездной пучины.

Опустив голову, Страйкер вспомнил о том, что сперва требуется привести себя в порядок. Безволосые наверняка не слишком обрадуются, если обнаружат в непосредственной близости зубастого парня, покрытого густой шерстью с ног до головы. В убежище Волки могли разгуливать вовсе без одежды, пусть даже на четырех лапах, но здесь это было смертельно опасно.

Курт запахнул куртку, оправил джинсы и натянул на голову капюшон. Так он ничуть не выделялся из толпы, если, конечно, кто-нибудь не станет присматриваться слишком внимательно. Однако и тогда любопытствующий обнаружит лишь слегка выступающие челюсти, шерсть на которой была скрупулезно подстрижена, чтобы напоминать щетину. Если не раскрывать рта, его вполне могли принять за обычного уродца, которых бродило немало по улицам. Нос также был покрыт шерстью, и имел непривычно-приплюснутую форму. Но, как уже было проверено, тень от капюшона неплохо скрывала эти детали – до определенной степени, конечно.

Убедившись, что все формальности соблюдены, Курт направился к выходу из подворотни. Ему не требовалось глядеть на часы, что болтались в кармане – какой-то внутренний механизм отсчитывал время с точностью до пяти минут. Если он не будет медлить, то прибудет на место с разумным опережением, чтобы проверить обстановку.

Время назначил заказчик, Курт – территорию.

Он неплохо знал окрестности Улья, однако инстинкт требовал, чтобы потенциальные враги находились как можно дальше от Стаи. Молодой Волк делал петли и запутывал следы, повинувшись тихому голосу, звучащему в крови. Должно быть, так поступали и четвероногие

предки. Как ни странно, их с потомком разделяли отнюдь не долгие миллионы эволюционных лет, а лишь две-три хромосомы.

Выйдя из подворотни, Страйкер свернул на север. Он двигался быстро, но не слишком, чтобы не привлекать излишнего внимания. Улица была пуста, если не считать нескольких силуэтов, маячивших в отдалении. Разбитое асфальтовое полотно обступили угрюмые дома, самый высокий из которых насчитывал всего шесть этажей. Пустые проемы дверей и окон, казалось, с подозрением глядели в спину одинокому путнику. Энтропия не щадила ветхих стен, углубляя трещины и обнажая кирпичную кладку.

Тем не менее, каждый из этих домов был значительно моложе Улья. Казалось, они прижались к большому собрату, словно побитые дворняги. Улью же – назвать который «домом» не поворачивался язык – было на них наплевать. Причем во всех смыслах. Мелкий предмет, сброшенный с высоты нескольких сотен метров, мог с легкостью пробить бетонную стену.

Будущие квартиранты, дававшие подряды на строительство этих домов, о таком повороте не задумались. Жилье в Улье было им не по карману, и они решили, что близкое соседство – тоже неплохо. Сперва, конечно так и было. Близость Улья имела неоспоримые преимущества, которые снесло первой же «продувкой». Следом на крыши посыпался град разнообразного мусора; обитателям верхних ярусов было искренне наплевать, что творится внизу. Крыши пришли в негодность, а следом и квартиры.

А теперь, несколько десятилетий спустя, службы безопасности Улья регулярно проводили в прилегающих районах профилактические мероприятия, носившие сленговое название «дезинфекция». На деле же таковые состояли в принудительном выселении нелегальных жильцов, потому как снести все эти развалюхи стоило слишком дорого. Кроме того, они создавали «буфер» между Улем и Гетто, а охранники тренировались в ожидании грядущих операций, что также казалось разумным.

Поэтому Курт без опаски шагал вперед, ничуть не опасаясь, что кто-то заступит дорогу. Он держал путь в глубь Гетто, туда, где город ждал и ненавидел, злобно поглядывая в сторону Ульев. Все отщепенцы были едины в своих чувствах к этим бетонным громадам, а потому присматривали друг за другом с особой настороженностью. По сути, у них было лишь два пути наверх: сказочно разбогатеть, либо занять некий высокий государственный пост. Как первое, так и второе случалось не часто, но, тем не менее, все остальные начинали дружно ненавидеть счастливицов.

Существовал, впрочем, третий путь: через официальную программу. Вместе с тем, никто ее не принимал всерьез. Обитатели Ульев также имели привычку обзаводиться потомством, поэтому, даже если теплое местечко по каким-либо причинам освобождалось, на него сразу же находилась пара сотен претендентов из «местных»...

Вскоре перспектива расширилась. Страйкер вновь поднял голову и на ходу разглядывал гигантскую стену, необъятную как в высоту, так и в ширину. По мере удаления становилось очевидным, что поверхность Улья только казалась идеальной. Тут и там выступали разномастные балконы, подвесные галереи, межярусные лифты, фронтоны... Металлическими зарослями топорщились спутниковые антенны. Окна полыхали всеми цветами спектра, а кое-где даже зловеще пульсировали.

Канатные дороги были едва различимы на фоне черного небосвода. Где-то у самого горизонта мчалась огненная точка – куда быстрее, нежели любая из падающих звезд. Это был огненный хвост лифта на реактивной тяге, того самого транспортного средства, что был доступен лишь немислимым богачам. Они путешествовали из одного Улья в другой, не марая дорогие туфли грязной землей. Большая часть канатных лифтов соединяли между собой лишь избранные Ярусы. Гораздо ниже начинались «трассы» транспорта для публики победнее, – фуникулеров и прочих подвесных кибиток, из которых можно было посматривать на Гетто с пре-

небрежением, стараясь, чтобы попутчики при этом не особо пихались локтями, объявляя во всеуслышание, что «В этом доме я когда-то жил, представляете?..»

Курт сам не заметил, как вновь окунулся в сладкие грезы. Внутри Улья было практически все, что требовалось для беззаботной жизни. Помимо прозаичного жилья, там размещались десятки, сотни увеселительных (и не слишком) заведений: кинотеатры, ночные клубы, библиотеки, спортивные площадки (включая несколько акров для гольфа и полевого пейнтбола), бассейны, рестораны, а также невероятное количество торговых точек. Помимо разнообразных контор, Улей имел собственную биржу. И, наконец, кладбище.

Обитатель Улья, чьи родители были достаточно состоятельны, без особого напряжения мог там родиться, прожить жизнь и умереть, ни разу не ступив на грешную землю.

И, по мнению Курта, потеряли бы не многое.

Взгляд его поднимался все выше, вдоль пунктирных линий десятков тысяч окон. Там, на верхних ярусах, обитали истинные властители Мегаполиса. У них было все, что только может иметь человек. Они сидели на этом Олимпе, крайне редко спускаясь на землю. Бизнесмены, высокопоставленные чиновники, крупные политики, гангстеры, звезды головидения, дорогие путаны, просто богатые люди... На каждого жильца одного из верхних ярусов приходилось такое количество пространства, о каком соседи снизу (не говоря о простых городских обывателях) могли лишь мечтать.

Страйкер отнюдь не впервые заметил, что вся эта масса холеных безволосых являлась антиподом Волчьего Племени – загнанного под землю, затравленного бесконечными гонениями. Тем не менее, Курт думал о них исключительно с благоговейным почтением. Он им дико завидовал, но почему-то эта зависть не перерастала в ненависть, как происходило в умах большинства Волков. Что толку в ненависти?..

Курт миновал взглядом плоскую крышу и уперся в Купол. Тот маячил где-то у самых облаков, даже выше, нежели самый верхний ярус Улья (что, впрочем, казалось Волку полной фантастикой). Прозрачная полусфера масляно блестела, – вероятно, недавно прошел дождь. Звезды выглядели из-за бронированных стекол еще более привлекательно, как и недосыгаемо. Луна едва-едва успела стартовать, и начинала свой неспешный полет.

Все это действительно казалось весьма впечатляющим, однако медики по-прежнему не советовали любоваться небесными красотами без соответствующего укрытия над головой. Купол служил таким укрытием для всего Мегаполиса, и был возведен одним из первых в мире. Чистое небо уже давно не было безопасным, хотя и продолжало умиротворять – на разумном расстоянии. Кожа человека, угодившего под кислотный дождь, погибала в течении нескольких часов. Но ведь были еще ураганы, шторма, пылевые бури... Солнечная радиация, наконец, которую останки озонового слоя фильтровали лишь символически. Земледелие и курортный бизнес исчезли как таковые. Старушка-Земля, судя по всему, твердо вознамерилась стереть квартирантов с собственного лица.

Чтобы оттянуть конец, человечеству пришлось сплотиться в Мегаполисах и законсервировать себя под Куполами. Последние изготавливали по стандартному проекту – из тысяч квадратных метров особого стекла и титановой арматуры. Побег к звездам так и остался уделом «космических опер». Правительства большинства государств лоббировались финансовыми корпорациями, считавшими, что космические исследования не слишком рентабельны. Как ни странно, падение Советского Союза навсегда перечеркнуло надежду человечества на прыжок к другим мирам.

Поэтому пришлось довольствоваться одним-единственным.

Пшеницу и другие культуры выращивали в особых гидрапонических тоннелях, глубоко под Мегаполисом. Вода поступала из артезианских скважин, но и тогда тщательно фильтровалась – чем выше по ярусам Ульев, тем тщательнее. В Славном Новом Мире единственным средством побега из-под постылых Куполов служили смерть... и виртуальное пространство.

Невзирая на тяжелые условия, население росло. Полиция и другие службы давно махнули на все рукой, и фактически видоизменились в частную охрану – содействие оказывалась только тому, кто мог за это заплатить.

Что же касается Ульев, то первоначально таковые задумывались как опоры для Купола. Не больше. А затем какому-то умнику пришло в голову, что это было бы весьма расточительно – разместить горожан по горизонтали, вместо того, чтобы распахать по вертикали.

Поскольку для поддержания Купола требовалось лишь пять опор, Ульев в Мегаполисах тоже было по пять. Центральный, соответственно, самый высокий, в нем и обитало Волчье Племя. Остальные – чуть ниже, расположенные на юге и севере. Ульки были удалены друг от друга на несколько километров, дабы грунт (и без того укрепленный настолько, насколько это было возможно), не проседал под титанической массой.

С планетарной орбиты Мегаполис походил на игральный кубик, упавший пятеркой вверх. Вся Земля казалась усыпанной такими «пятерками». Инопланетные гости – ежели таковым и впрямь что-то понадобится на умиравшей планете – вероятно, очень удивятся подобному зрелищу.

Затем Курт подумал, что ни разу в жизни не видел настоящего солнца, не чувствовал прикосновения его смертоносных лучей. (Как, впрочем, и остальные Волки в Стае.) О характере фразы «Какой солнечный день!» можно было только догадываться.

Разумеется, он еще щенком видел фотографии, голограммы и двухмерные фильмы, однако все это могло дать лишь приблизительное представление. Что касалось стим-конструктов, то Старейшина категорически запрещал их использовать, или же подключаться к Сети непосредственно сознанием. Когда-то Курт сильно возмущался по этому поводу, решив в конце концов, будто Старейшина просто-напросто не желает показывать, чего их лишили безволосые. Это могло превратить жизнь Волков в пытку. *Dura Lex, sed Lex*. Но нередко Страйкер подвергал и это сомнению.

Споткнувшись о древний кирпич, Курт вернулся к реальной действительности. Грезы засосали его без предупреждения, и он сам не заметил, как прошел почти всю улицу. До окончания «буферной зоны» оставался всего один квартал. Дальше тянулась так называемая «спорная территория». Охрана Улья появлялась в тех местах не слишком часто, и все-таки Гетто брало начало немного севернее. Оба эти обстоятельства способствовали тому, что на «спорной территории» селились те, кому больше некуда было податься. Уличные банды то и дело меняли границы владений, устраивая кровавые разборки.

Как бы там ни было, Стая тоже была своего рода бандой, и ее члены привыкли ходить по этим местам беспрепятственно. Все, кто когда-либо пытался их задевать, жестоко за это поплатились. Волки не давали друг друга в обиду, чем и славились. Следовало лишь глядеть в оба, да принюхиваться в обе ноздри, чтобы источники потенциальной опасности могли заблаговременно убраться с дороги.

Страйкер шел по тротуару, вдоль череды мрачных серых фасадов. На разбитом асфальте лежали кучи разнообразного мусора – начиная осколками стекла, и заканчивая рваными контрацептивами. По проезжей части время от времени пробегали длиннохвостые тушки, шнырявшие в поисках чего-либо, что сгодилось бы за корм. Волк в который раз вознес хвалу Богу за то, что смог раздобыть прочные армейские ботинки. В Убежище поддерживалась почти стерильная чистота, и даже молочные щенки могли бегать без обуви. Поверхность же так и кишела бактериями.

Запахи также варьировались от отталкивающих до тошнотворных. Время от времени из оконных проемов и дверей подъездов доносилась отвратительная вонь, наводившая на мысли о гниении, разложении и трупных червях. Мало того, что обитатели трущоб регулярно выясняли отношения, охрана Улья не редко забывала увезти тела, оставшиеся после «дезинфекции».

Поход через эту полосу смрада был для Волка настоящим испытанием – новизна ощущений отчего-то не притуплялась со временем.

Тем не менее, он ощутил присутствие безволосых задолго до того, как их увидел. Он прятались на следующем перекрестке, за углом трехэтажного здания. Их было как минимум двое. Они не принимали ванну уже пару месяцев и жутко воняли дешевым спиртным. Курт понятия не имел, каким образом они узнали о его приближении: то ли у них был дозорный на одной из крыш, то ли они просто стояли тут уже несколько часов, дожидаясь, пока какой-нибудь богач выйдет из Улья на прогулку. Как одно, так и другое казалось весьма вероятным. Эти безволосые наверняка дошли до такой степени отчаяния, что отважились бы атаковать и вооруженный кортеж.

Вероятнее же всего казалось то, что они дожидались хоть кого-нибудь, кого можно ограбить на пару монет. В Улье были сотни входов и выходов, однако настоящие богачи пользовались ими очень нечасто.

Во всяком случае, нападение на Волка являлось еще более бесперспективным занятием. Брать у членов Стаи нечего, зато проблем не оберешься.

Страйкер оглянулся, проверяя тыл. Более всего он опасался снайпера, что мог окопаться на одной из крыш или верхнем этаже. Однако, как правило, соответствующего оружия у отщепенцев не было, да и быть не могло. Поэтому Курт отошел от стены, и, не сбавляя скорости, приготовился к бою. Тело напряглось, мышцы налились звериной энергией.

Когда он вышел из-за угла, оборванцы встрепенулись, словно и впрямь не ожидали чьего-либо появления. Их было трое, каждый держал в руках куски металлических труб. У одного за поясом торчал длинный нож, который он извлек привычным движением.

Заметив, что незнакомец один, все трое расслабились и двинулись вперед. Двое забирали на несколько градусов в стороны, третий шел прямо к Курту. Все трое поигрывали дубинками. В их движениях было что-то деловито-неспешное, как будто они вовсе не впервые проделывали эту процедуру. Страйкер мог только предположить, сколько трупов на их совести. Тем не менее, он не собирался их убивать. Предков Стаи называли «санитарами леса», и все-таки, с обретением разума, они познали Заветы.

Подняв голову, Курт изучил лицо каждого безволосого. Они были небриты, покрыты ссадинами и волдырями. Губы растянулись в кровожадных оскалах, обнажив гнилые зубы. В глазах плясали сумасшедшие огни. Но – всего несколько мгновений.

Все трое остановились и в замешательстве уставились на Страйкера.

Тот быстро понял, в чем дело. Чтобы поглядеть на оборванцев, он поднял голову, а вместе с нею – капюшон. Желтые глаза, сверкавшие в полумраке, будто фары отраженного света, уставились на безволосых.

Вероятно, они сочли это не слишком умиротворяющим зрелищем.

Переглянувшись, все трое бросились наутек.

Курт улыбался, глядя им вслед. Он мог бы легко их догнать, однако в этом не было нужды. Сегодня кому-то из безволосых и без того придется расстаться с жизнью. А Волк не нуждался в тренировке.

Оглядевшись напоследок, он продолжил путь.

Разумеется, у Стаи была своя репутация. В основном таковую образовывал городской фольклор: легенды, предания, страшные истории, а также самые прозаичные слухи и сплетни. Волки регулярно появлялись на улицах, чтобы раздобыть еду, одежду и прочие необходимые вещи. Во время таких мероприятий им неизбежно приходилось сталкиваться с безволосыми нос к носу. Волки появлялись из тьмы и столь же внезапно исчезали. Те, кто был достаточно умен, чтобы не вступать в конфронтацию, отделялся лишь легким испугам. Иные, бывало, оставались калеками. Они-то и служили рассказчиками тех самых историй, в которых фигурировали древние монстры – детенышей, как правило, эти байки забавляли.

Но полиция и власти, должно быть, не принимали их всерьез. А если сочувствующие и находились, то отнюдь не торопились что-либо предпринимать по этому поводу. Волки не задевали никого, кто обладал достаточным влиянием и состоянием, чтобы Стае доставить неприятности. Во всяком случае, – подумал Курт, – до этой ночи.

Заветы Волчьего Пламени запрещали убивать безволосых. Тем не менее, у каждого правила были свои исключения. Старейшина разъяснял их волчатам до той степени, когда они превращались в своего рода BIOS. Волки могли убивать безволосых в порядке необходимой обороны, когда не оставалось иного выхода. Если безволосые загоняли Волка в угол, тому оставалось лишь стоять насмерть. И, наконец, безволосого позволялось убить, если он видел слишком многое, но других свидетелей поблизости не было. Тем не менее, даже в этом случае следовало просто сломать шею, не пуская в ход клыки или когти – необычные травмы могли насторожить полицию.

На деле эти наставления превратились в простой ритуал. Последний случай убийства Волком безволосого имел место двадцать лет назад, когда Курт едва успел появиться на свет. Убийцей был их с Джейн отец, поднявшийся на поверхность за едой для щенят. Безволосые стояли у Волка на пути, и тот смел их, как порыв урагана. Старики тогда шептались, будто это нехороший знак – убить безволосого на другой день после рождения сына. Но отцу было плевать на досужие домыслы.

Как-то он ушел, и... уже не вернулся.

С тех пор утекло много воды. Волки без возражений получали то, что хотели. Те, кто по незнанию или недомыслию атаковали их самих, крайне быстро понимали эту ошибку.

До конца «спорной территории» оставалось всего пара кварталов, когда на пути Страйкера появилось очередное препятствие.

Волк почуял запах безволосых загоя, и успел подготовиться. Как и в предыдущий раз, они притаились за углом. Судя по сильному запаху бензина, у них было какое-то транспортное средство. Подойдя еще ближе, Курт услышал голоса. Безволосые обсуждали какие-то сплетни, но не настолько громко, чтобы кто-то посторонний узнал подробности.

Прильнув к стене, Курт немного помедлил. Это было довольно странным. Обычно он успевал миновать «буфер» и «спорную зону», не встретив ни одного безволосого. Как правило, чьи-то силуэты мелькали на параллельных улицах, но Волк умело избегал ненужных встреч. Сегодня же трущобы, казалось, специально подсовывали под ноги собственных обитателей. Можно было бы их обойти, что, впрочем, и времени бы отняло немало. Насколько Страйкер знал эти места, ближайшие проходы не отличались проходимостью. Он избрал наиболее кратчайший путь, а кто-то стоял у него на дороге.

Приняв решение, Волк двинулся вперед.

Как и в предыдущий раз, жилы напряглись, в движениях появилась звериная грация. Откуда-то взялся соблазн опуститься на четыре лапы, который Курт не без труда подавил.

Он вышел на переулок в центре проезжей части. Безволосых было четверо. В отличие от предыдущих, эти представляли очевидную угрозу: крепкие молодые парни, бритые наголо. В ушах болтались серьги в форме черепа. Все четверо были одеты в черную кожу, усыпанную блестящими побрякушками. Рядом стоял длинный черный автомобиль. На дверцах и капоте красовались белые черепа – символ одной из уличных банд.

Вряд ли они вышли на дело, – решил Курт. Дом, возле которого был припаркован автомобиль, отличался более-менее приличным состоянием. Кое-где в окнах даже горел свет. Жидких отблесков хватало, чтобы иллюминировать весь перекресток. Проемы были закрыты шторами, на которые проецировались чьи-то силуэты. Так было не всегда, и все-таки Страйкер обычно обходил этот переулок стороной – если, конечно, не слишком спешил. А так, как сегодня, он спешил впервые в жизни.

Бритоголовые продолжали самозабвенную беседу, пока Волк не вышел на открытое пространство. Он было решил, что успеет проскользнуть, когда на него соизволили обратить внимание.

– Эй, ты! – раздалось со стороны.

Следом прозвучал хруст кожаной куртки. И – щелчок затвора.

Курт остановился. Он не поворачивал голову, а лишь прислушивался, что происходит возле машины. Парни молчали, разглядывая незнакомца. Один держал в руке пистолет.

– Мы с тобой разговариваем, – сказал другой. – Обернись-ка.

В хриплом голосе звучал вызов, а также несокрушимая уверенность в собственных силах. Парни знали, что какой-то оборванец – им не противник, и все же не могли позволить ему просто так пройти мимо. Курт понятия не имел, чем он им не понравился. Поблизости не было самок, на которых было можно произвести впечатление. Значит, парни вовсе не так круты, и спешили утвердиться прежде всего в собственных глазах. Другое дело, что объект они избрали не совсем подходящий.

Волк медленно повернулся. Провал капюшона устался на парней.

Один действительно держал пистолет, направив ствол в грудь Курту. Трое других стояли рядом, ухмыляясь. По всей видимости, они даже не догадывались, какой опасности подвергались.

Страйкер размышлял. Конечно, он мог бы прямо сейчас броситься наутек, и, вероятно, ему удалось бы уйти. Но тот, что держал пистолет, почти наверняка принялся бы палить ему вслед. Возможно даже, что бритые сели бы в машину и устроили погоню – на расстоянии пары кварталов от начала цивилизации, огни которой уже сверкали вдаль. Стрельба и погоня привлекла бы внимание к силуэту бегущего, в движениях которого было нечто не вполне человеческое. Кроме того, сейчас Курт имел куда больше шансов увернуться от пули – стоя на месте, регистрируя каждое движение ствола.

Он анализировал ситуацию холодно и отстраненно, будто глядел в тактический дисплей. Тем не менее, что-то внутри него противилось бегству. Это нечто готовилось драться, и, казалось, говорило: «Хватит бегать, почувствуй мощь зверя!..»

Курту надоело бегать.

Но бритоголовые, по всей видимости, рассчитывали повеселиться.

– Что ты здесь делаешь?

– Просто шел мимо, – ответил Страйкер. – А что?..

Бритоголовые переглянулись. К встречным вопросам они не привыкли.

– Это наша территория. И здесь нельзя ходить без разрешения.

Курт кивнул, и как можно более миролюбиво ответил:

– Что ж, прошу прощения. Больше этого не повторится. – Он все еще рассчитывал избежать драки, как ни раздражала его сама ситуация. Время уже было потеряно, но, возможно, удастся сохранить энергию. – Я пошел, ладно?..

Бритоголовые вновь переглянулись.

– Мне что-то твой голос знаком, – сказал тот, что до этого молчал.

Курт чрезвычайно удивился такому заявлению. Бритую четверку он видел впервые в жизни.

– Сними-ка свой капюшон, приятель. Мы хотим на тебя взглянуть. – Ствол пистолета чуть шевельнулся, будто в подтверждение сказанного. – Но медленно, без фокусов.

Курт не шевелился. Если он выполнит требование, этим парням придется умереть. Они увидят Волка, и, не исключено, вздумают устроить своей крутости настоящую проверку. Курт же потеряет драгоценное время и куда больше энергии. Кроме того, ему так или иначе придется их убить – случай как раз подпадал под исключение из Первого Завета. Банда Черепа – это

уже не шутки. Если она узнает, что Волки существуют на самом деле, и частенько появляются в этих самых местах...

Проблема требовала немедленно разрешения.

И тут распахнулась дверь.

Бритые вздрогнули. Страйкер приготовился рвать когти, однако ствол пистолета по-прежнему смотрел ему в грудь.

Из подъезда вышел мужчина, облаченный в длинный черный плащ. Даже на первый взгляд он казался значительно старше четырех крепышей, однако голова его также была выбрита начисто. Мертвенно-бледная кожа обтянула череп, подчеркивая каждый изгиб костной ткани. Казалось, стоит ему улыбнуться, и на затылке что-нибудь лопнет.

Эксцентричный облик довершали солнцезащитные очки.

Курту этот субъект сразу не понравился. От него пахло дорогой туалетной водой, но пряный запах не мог заглушить вонь другого рода. Только взглянув на голую голову, Страйкер тут же окрестил ее обладателя Черепом. В нем чувствовалось что-то отталкивающее, зловещее и темное – внутри, за бледной кожей и ароматом туалетной воды. Темные стекла очков, казалось, раскалились от пронзительного взгляда.

Волк чувствовал, как шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

Казалось, Череп оценил ситуацию одним-единственным взглядом. Как ни странно, он сумел усмехнуться, а треск рвущейся кожи так и не раздался. Тонкие губы раздвинулись, обнажив два ряда белых зубов. Волку эта картина показалась весьма угрожающей.

Бритых помощников мужчина удостоил лишь небрежным жестом.

Голос напоминал скрежет ножа по сковороде:

– Оставьте его в покое. Парень вам не по зубам.

– Шеф, секунду!.. – Это был тот, что держал пистолет. – Какой-то тип бродит по нашей территории среди ночи, даже не спросив разрешения. По-моему, Питоны опять...

– Закрой рот, идиот, – приказал Череп, даже не повысив тона. – Ему можно ходить когда и где угодно, без чьего-либо разрешения. Кроме того, твое мнение никого не интересует.

Парень недовольно насупился, но пистолет опустил.

– Скажи спасибо, – добавил незнакомец, – что я появился вовремя.

Безволосые замолчали и уставились на Волка. Если это была ловушка или какой-то хитрый маневр, Курт не мог раскусить. Пребывая в замешательстве, он начал пятиться. Затем, сообразив, насколько комично это выглядит, развернулся спиной. Угроза, в конце концов, могла поджидать и сзади. Каждое мгновение он ждал – выстрела, удара, чего-угодно – готовясь отреагировать со скоростью молнии.

Но ничего не случилось. Он пересек проезжую часть и метнулся к стенам домов, где безволосые его не могли увидеть. Еще сотню метров он миновал быстрым шагом, продолжая прислушиваться к каждому шороху.

Случившееся его крайне озадачило.

Он понятия не имел, кем был безволосый в плаще. Предыдущие вылазки на поверхность, как правило, отличались кратковременностью и не располагали к излишнему любопытству. В политической обстановке на улицах трущоб Курт ориентировался неважно, но даже ему приходилось слышать о Черепе – главаре одноименной банды.

Подумав об этом, Волк окунулся в водоворот догадок и предположений.

Не может быть, чтобы его инстинктивная догадка оказалась правдой, и он встретил легендарного Черепу собственной персоной. Слухи утверждали, будто он никуда не выезжает без сопровождения двух-трех десятков охранников. Кроме того, абсолютно все в его бригаде, поголовно – во всех смыслах – регулярно брили головы. Курт еще мог предположить, что встретил кого-то, кто занимал в группировке высокое положение. Парни называли его «шефом», значит, это мог быть кто угодно.

Тем не менее, оставалась куча других вопросов. К примеру, почему он остановил своих людей?.. Ответов было два. Либо он в точности знал, кто прятался под капюшоном, либо хотел остановить бессмысленное кровопролитие. Последнее, учитывая репутацию Черепов, было маловероятно. Курт даже невольно огляделся – не разошлась ли куртка, не торчат ли где клочки меха. Но нет, все в порядке.

В таком случае... как он узнал?..

Поразмыслив, Волк пришел к одному-единственному выводу. В трущобах и днем бродит не слишком много людей. А те, кто осмеливаются ходить по ночам, в полном одиночестве, нахлобучив на голову капюшон, как правило, могут за себя постоять. В трущобах было полным-полно хищников: уличные стрелки, воинствующие проповедники, киборги, безумные андроиды... Все эти субъекты были способны на многое.

Таким образом, незнакомец просто не хотел рисковать.

Это объяснение было одинаково правдоподобным и успокаивающим.

Предположить, будто кто-то, занимающий в уличной банде довольно высокое положение, уже видел Волков, и даже ухитрялся отличать их от обычных людей, было слишком неприятно. А именно – равносильно признанию, что вся конспирация Стаи курам на смех.

У Курта и без этого проблем хватало. Если Старейшина его выслушает...

А впрочем, неважно.

Вряд ли они еще когда-либо встретятся, с тем странным человеком в черных очках. Достаточно и того, что на пути уже дважды попадались препятствия, хотя Волк едва успел покинуть Убежище. Будь он суеверен, его намерение довести задуманное до конца подверглось бы серьезным испытаниям.

Но этого так и не случилось.

Курт замедлил шаги, привел в порядок дыхание. Огни уже вовсю горели в конце улицы, дома которой образовывали своего рода тоннель. Неоновый блеск нарастал с каждым шагом, и, по мере этого, мусора под ногами наблюдалось все меньше. В оконных проемах часто горел ровный свет, – безволосые не спешили отходить ко сну. Запахи также мало-помалу облагораживались. В люминесцентных же кварталах Гетто обоняние Волка ожидало настоящее безумие. Вспомнив об этом, Курт непроизвольно поморщился. Некоторые Волки перевязывали носы, чтобы избавиться от назойливых запахов, но, по мнению Страйкера, это делало их слепыми, как безволосые.

Гетто начиналось постепенно. Первыми появились путаны, ведущие куда-то клиентов – вероятно, в «меблированные комнаты». Далее – злчные заведения самого низкого пошиба. Из распахнутых дверей доносился звон бутылок и пьяный смех. Зазывалы нещадно драли луженые глотки, стараясь перекрычать конкурентов. Хамоватые нищие приставали ко всем, кто, пошатываясь, выходил наружу.

Курт шел мимо, старательно огибая лужи блевотины. К нему непрестанно обращались, звали «красавчиком», «глухим», «чуваком» и «джентльменом». Некоторые голоса принадлежали женщинам. Один раз на плечо легла чья-то рука, и Волк увернулся резким движением – это был единственный случай, когда к нему прикоснулись. Остальные, оценив широкие плечи и целеустремленную походку, благоразумно оставляли «джентльмена» в покое.

Курт отлично знал, что именно в этих кварталах, вплотную прилегающих к «цивилизованным» районам, преступлений совершалось значительно больше, нежели в трущобах. Поэтому он не терял бдительности, контролируя пространство вокруг себя на несколько метров. Расчет траекторий и уклонений от встреч происходил автоматически. Неподвижные фигуры оставались позади, а все, кто казались подозрительными, не могли приблизиться, как ни старались. Страйкеру нельзя было допустить даже того, чтобы кто-нибудь сорвал капюшон. Между тем, желающих было немало.

Обилие запахов заставляло ускорять шаги. Казалось, что выпивку тут разбавляли аккумуляторной кислотой. Жутко воняло горелое мясо, происхождение которого могло поставить в тупик даже биологов, не говоря о кулинарах. Немытые тела толпились везде, куда ни повернись.

Самое страшное заключалось в том, что весь этот бедлам был своего рода воротами в Гетто. «Веселые кварталы» знаменовали окончание трущоб и начало цивилизации». Как ни пытался Страйкер найти обходные пути, таковые, по всей видимости, лежали глубоко под землей, в канализационных тоннелях, а там воняло еще хуже.

Наконец это кошмар окончился. Не мог не окончиться.

Волк вынырнул на Бульвар, который носил громкое название «Сан-Сет», – по аналогии с далеким Лос-Анджелесом. Бульвар имел наиболее широкую проезжую часть во всем Мегалополисе, однако ночью предназначался исключительно для пешеходных прогулок (за исключением, конечно, специального транспорта – пожарной охраны, полиции, медицинской помощи, и длинных черных лимузинов с тонированными стеклами). Бульвар тянулся в восток на запад, благодаря чему получалось, что Солнце поднималось на одной его стороне, а заходило на противоположной.

Из-под Купола закаты выглядели особенно прекрасно. Смог и фабричные выбросы добавляли в палитру практически все цвета спектра: зеленый, бирюзовый, яшмовый, индиго, насыщенно-розовый... В декабре это буйство красок оттенялось северным сиянием – явлением, какие-то полвека назад непредставимым для этих широт. Как бы там ни было, его появление незамедлительно породило множество течений в современной живописи, как, например, «техногенный пейзаж».

Что касалось светила и его перемещений по небу, то Курт знал о закатах и рассветах лишь понаслышке. Это, впрочем, не мешало ему недоумевать, почему безволосые неустанно поражались этим константам. Другое дело, если бы солнце вздумало сесть, к примеру, где-то на севере.

Страйкер перешел на другую сторону улицы и чуть замедлил шаг, принаровляясь к средней скорости толпы. Здесь было гораздо просторнее, можно было шагать относительно прямо. По левую руку тянулась проезжая часть, по правую – заведения, одно-единственное назначение которых состояло в перемещении денежных сумм из карманов клиентов в сейфы хозяев. Способов для этого было бесчисленное множество. Волк видел клубы, сверкающие неоновыми и голографическими вывесками; рестораны и бары; казино и театры; сетевые кафе для виртуальных подключений. Видел проституток, прейскуранты которых заметно отличались от общеизвестных котировок «веселых кварталов» – девицы зазывно улыбались и выставляли напоказ стройные ноги. Профессионалок «пасли» мордатые парни в аляповатых костюмах, на шее у каждого болталось по килограмму золоченого металла. Страйкер двигался мимо, и его провожали подозрительно-презрительными взглядами. Поношенная куртка, армейские ботинки и глубокий капюшон совершенно не вписывались в общую картину. От индивидов, одетых подобным образом, здесь ждали одних неприятностей.

Поэтому Курт продолжал идти, не задерживаясь ни на секунду. В прежние вылазки на поверхность ему было чрезвычайно интересно, а по Бульвару он ходил с распахнутой пастью. Сегодня же все мысли вертелись вокруг узкой койки в лазарете. Неоновый блеск ничуть не радовал глаз, а мельтешащие голограммы лишь раздражали.

Тем не менее, одной все-таки удалось вызвать кривую усмешку.

Огромное голографическое полотно, парящее над Бульваром, предлагало всем потенциальным донорам «сдать здоровые органы, получив за это билет наверх – в благодатные Ульи!..» Разноцветные буквы сменялись изображением семьи из четырех человек – мама, папа и двое детишек счастливо улыбались, глядя вниз через объективы оптических имплантантов. Мама кому-то махала металлической рукой.

От этой картины Курту захотелось взвыть на Луну. Та величаво скользила над Куполом, тарашась на Землю миллионами кратеров, и, казалось, готовилась распахнуть зубастую пасть.

Безволосые, блуждающие по Бульвару, в точности придерживались законов броуновского движения. Это были как совсем юные молекулы (влюбленные и не совсем, держащиеся за руки или избегающие взглядов), так и более степенные частицы. Молодежь концентрировалась в компактные группки, бессильные противиться взаимному притяжению. Некоторые считали, будто ищут приключений, и выглядели весьма агрессивно – как парни, так и девушки. Им явно хотелось выместить на ком-то бурлящую энергию, а также злость, затаенную на весь этот мир. Но все они были слишком зелены, ухожены и прилично одеты, чтобы решиться на поход в «веселые кварталы». Думать, будто хочешь приключений, и получить их – совсем разные вещи. Здесь же, на Бульваре, было достаточно света, чтобы выглядеть крутыми, не опасаясь получить за это по шее.

Курт наблюдал самые невообразимые оттенки моды, косметологии и даже высоких технологий. Молодежь сооружала на головах какие-то хребты всех цветов спектра, покрывала лица боевой раскраской, а тела – сложными плетениями татуировок. Некоторые выставляли напоказ металлические протезы, оптические имплантанты и разъемы для шунтов, вживленные за ушными раковинами. Часть этих придатков мерцала фосфоресцирующим светом, или горела диодами – дабы никто не смог не заметить.

Но Волк замечал даже то, что скрывалось под причудливой одеждой. Кое-кто из парней имел при себе оружие, – ножи, дубинки и прочее. Огнестрельные игрушки были представлены в неизмеримо меньшем количестве. Страйкер, тем не менее, опасался вовсе не оружия. Некоторые электронные глаза, как ему было известно, имели свойство рентгенов, и позволяли видеть сквозь одежду. Стоили они баснословно дорого, а потому вряд ли могли оказаться в глазницах какого-то мальчугана из Гетто. И все же...

Волк продолжал всматриваться в толпу, отбирая наиболее опасные экземпляры. Ноздри ловили запахи парфюмерии, алкоголя, марихуаны, а также более сильных наркотиков.

Пару раз к нему пытались приблизиться несколько парней. Судя по всему, намерения у них были не вполне дружелюбные, но в то же время не достаточно серьезные. Курт легко уклонялся от встреч. Парни излучали враждебные флюиды, однако, почувствовав в не приметной фигуре что-то особенное, в погоню не бросились.

Остальные медленно шли по Бульвару, единые и разобщенные, нарочито не замечая друг друга. И, разумеется, сталкивались – точь-в-точь безмозглые молекулы.

Кое-где происходили короткие, но яростные стычки. Большие группы каким-то образом распределяли «полосы движения», поэтому дрались в основном два-три человека. Если это происходило на тротуарах, вблизи какого-либо заведения, приходилось вмешаться охране. Один раз Курту пришлось обогнуть двух безволосых, что есть мочи лупивших друг дружку у края проезжей части. Рядом стояла светловолосая девушка, вероятно, послужившая причиной потасовки. В ее глазах была лишь равнодушная скука, тогда как охранники казино толпились на тротуаре, спорили и делали ставки. Страйкер прошел мимо, обогнув дерущихся по широкой дуге. Тут на перекресток вынырнули три полицейских, оседлавших квардроциклы. Бузотеры бросились в разные стороны; охранники разочарованно вздохнули. Когда рядом промчались квардроциклы, девушка уже стояла в одиночестве. А через минуту входила в казино.

Волк ухмыльнулся.

Женщины. Вот кто не давал ему покоя, выворачивал мятущуюся душу наизнанку. По ночам Страйкер часто грезил о белокожих, мягкотелых женщинах, так не похожих на жилистых Волчицах. Это было совершенно нормально, ведь даже Доктор предупреждал о такой возможности. По сути, безволосые и Волчье Племя не слишком разнились, хотя, предположительно, не могли иметь общих детей.

В своих вылазках на поверхность Курт преследовал еще одну цель, далеко не столь очевидную, как любопытство и поиск пропитания. Инстинкт вел его за собой, заглушая доводы рассудка. Волк знал, что ничего путного из этого выйти не может, однако не мог остановиться. Тем не менее, всякий раз инстинкт самосохранения оказывался сильнее, и он покидал один из «веселых кварталов», – неудовлетворенный, злой и распаленный желанием. Утешало только одно – скоро настанет время, когда Совет Стаи решит, которая из молодых Волчиц наиболее подходит Курту Страйкеру. Они сыграют свадьбу и без промедлений приступят к продолжению рода...

Сегодня же, шагая по Сан-Сету, Волк все отчетливее сознавал, что ничему этому осуществиться не суждено. Этой ночью он преступит Завет, на всю жизнь обагрив лапы кровью.

Но это ничего, – подумал Курт. – Главное, чтобы Джейн...

Мысли о безволосых самках тут же отступили – до лучших времен, когда у молодого Страйкера не будет иного дома, кроме поверхности. Ему нечего будет таить, исключая собственную сущность, ведь Стая удалит из его памяти все воспоминания о своем Убежище.

Дойдя до перекрестка, он свернул. «Веселые кварталы» остались позади, и одновременно впереди – поблизости северных Ульев, также отчужденных ореолом унылых трущоб. Гетто простиралось посредине, будто полип меж гигантов. Попытайся те сблизиться, чтобы давить и крушить, как сама земля разверзнется у них под ногами.

Улица была гораздо теснее, нежели Бульвар, однако и здесь царил оживление. Ресторанам не требовалось платить астрономические арендные выплаты, что благотворно сказывалось на желудках и кошельках посетителей. Стоит всего на пару кварталов удалиться от Сан-Сета, как цены самым невероятным образом снижались вдвое. Эта загадка, вероятно, лежала в той области отношений, которую безволосые называли «бизнесом». Под эту категорию попадали как заведения общественного питания, так и содержание борделей.

Центральный Улей нависал над головой, подавлял необъятной тяжестью. Колосс, держащий небо из стекловолоконных пластин и дорогостоящих металлических сплавов, что создавали в условиях полной невесомости. Далеко на севере показались два близнеца, также усыпанные миллионами огней. Расстояние делало их почти невзрачными, хотя по мере приближения становилось очевидным, насколько мал человек по сравнению с этими громадами. Практически незаметен.

Курт удвоил скорость шага, а вместе с нею – осторожность. Чем дальше в Гетто он погружался, тем меньше света становилось вокруг. Когда шум Бульвара затих вдали, а над крышами поднялось неоновое зарево, Волк окунулся в сонливую тишь жилых кварталов. Прохожих здесь было немного, но все они, как правило, переходили на другую сторону, завидев силуэт в капюшоне. Курт улыбался и продолжал путь. Он передвигался почти бесшумно, бросая через плечо настороженные взгляды – больше по привычке, нежели действительно в поисках «хвоста».

Он намеренно назначил встречу в этом районе, потому как посещал его и прежде. Когда-то, едва переступив порог зрелости, волчонок без труда бегал тут от частной охраны, еще не догадываясь, как помогут ему эти тренировки в недалеком будущем. Сегодня, почуяв и услышав патрули задолго до того, как те увидят его, Волк без труда уходил от встречи. Если обход не уводил от курса, Курт сворачивал на ближайшем перекрестке. Но, как правило, отступал в тень, дожидаясь, пока разговорчивые увальни не пройдут мимо. Либо ускорял темп, оставляя их далеко позади. А один раз запрыгнул на кирпичный забор, через равные промежутки украшенный массивными горгульями. Нахохлившись и растопырив руки, Волк стал почти гипсовым.

Вскоре он достиг цели. Достал часы – корпус из нержавеющей стали, усеянный сотнями царапин, – и сверился с флуоресцирующими стрелками. Срок наступал через тридцать четыре минуты, акkurat в час пополуночи. Достаточно, чтобы тщательнейшим образом проверить, обнаружить и предотвратить любые сюрпризы.

Вряд ли контрагент уже прибыл. Безволосые вроде него обычно не терпят всяких мелочей, зато крайне ценят собственный комфорт. Целых полчаса ждать какого-то наемника, – пусть даже Волка, – наверняка было бы чем-то из ряда вон выходящим. Лысый Хью говорил, будто этот безволосый какая-то важная шишка, и очень нечасто спускается с Улья на землю. Курту это было только на руку – всех безволосых, без исключения, он привык рассматривать как потенциальных противников.

Как бы там ни было, он не стал терять времени.

Прежде чем нырнуть в подворотню, Волк еще раз огляделся и принялся. Одним прыжком преодолев проезжую часть, он крадучись направился к разрушенной арке. Ветхие стены поднимались с трех сторон. У подножия валялись груды мусора и битых кирпичей. Черные окна подслеповато таращились в ночь, большинство заколочены деревянными досками. Страйкер остановился в тени и несколько минут, не мигая, таращился в те, что оставались открытыми. Он и сам не знал, что ожидал увидеть. Возможно – отраженный блеск линз, чье-то белое лицо, свет монитора... Но – ничего. Тому, кто привык охотиться на расстоянии, нет нужды устраивать засаду на своих же псов (не говоря о Волках). Другое дело – после того, как задача будет исполнена. Тем не менее, Курт был обязан проверить.

Он оторвал спину от шершавой спины и побрел вдоль стены. Ушные раковины, подрагивая, ловили каждый звук. Волк дал себе зарок, если почувствует хоть что-нибудь подозрительное, то тут же даст деру. Если безволосые ухитрятся его изловить, Джейн это явно не пойдет на пользу. Но... пока все оставалось спокойным.

Подворотня представляла собой внутренний дворик какого-то старого четырехэтажного строения. Здесь давным-давно никто не жил, а уличные патрули, как в зоне «буфера», регулярно вычищали нелегальных квартирантов. Отчего-то дом не спешили реставрировать или сносить, хотя расположено он был крайне удачно. Рухнувшая арка сорвала и погребла под собой ворота, освободив проем, в который смог бы въехать даже армейский хOVER. Один из парадных находился аккурат напротив. Через пролом под лестницей можно было легко выбраться на параллельную улицу.

Курт в очередной раз похвалил себя с удачным выбором места. Что ни говори, со стратегической точки зрения подворотня являлась превосходной позицией. Но – лишь для ловкого и юркого бойца, которому противостоит крупный и неповоротливый противник. Безжалостная энтропия оборудовала здесь немало входов-выходов, тайников и укромных мест. Чтобы проверить все, следовало запастись массой терпения, а также большим количеством человеко-часов. Судя по тому, что Страйкер по-прежнему не замечал ничего необычного, – ни единого свежего запаха, – заказчик был действительно благоразумен, как и рассказывал Хью.

Вскарабкавшись на гору битых кирпичей, Курт подпрыгнул и ухватился за пожарную лестницу. Спустя считанные секунды гимнастических упражнений он уже влезал в оконный проем. Коридор за ним был абсолютно пуст, если не считать пары крыс, что-то не поделивших на драном линолеуме. Вдоль стены через каждые два метра шли проемы, крест-накрест заколоченные прогнившими досками. Каждая дверь – под собственным номером. Вероятно, – думал Волк, – здесь было что-то вроде отеля. Туристический бизнес в Мегаполисе знал куда лучшие дни. Наибольший наплыв имел место уже после возведения Купола, когда каждый пятый был приезжим, надеющимся получить теплое местечко в каком-либо Улье.

Страйкер присел у подоконника, осторожно выглянул наружу. Вид открывался превосходный – весь двор лежал будто на ладони. Более того, переходя от одного окна к другому, Курт мог рассмотреть любой объект под разными ракурсами. Как жаль, – усмехнулся он, – что в случае с жертвой выбрать место ему навряд ли позволят...

Сев прямо на пол, Волк принялся ждать.

Минуту спустя он погрузился в то самое состояние полусна-полуяви, что в свое время позволило скоротать немало уроков Старейшины.

Инертный разум пробудил шум моторов.

Страйкер вздрогнул, открыл глаза и распрямил затекшие ноги.

Ему не требовалось глядеть в проем, чтобы представить себе всю картину. Во подворотню въезжал, переваливаясь через останки арки, автомобиль с мощным мотором. Судя по всему, это был «Джип», либо другой внедорожник. Рядом шуршали колесами два спортивных мотоцикла. Еще один автомобиль работал у арки на холостых оборотах.

Затем все стихло. Около минуты царила напряженная тишина.

Под колесами, оседая, шуршал неоднородный мусор; пищали крысы.

Страйкер поднял голову только тогда, когда начали открываться и хлопать дверцы. Посреди двора действительно стояла массивная машина с зеркальными стеклами, – черная или чернильно-синяя, без особых примет. Фары, мигнув, чуть сбавили натиск – дальний свет сменился ближним, озаря перспективу мертвенным светом.

Два мотоцикла прикрывали с флангов. Второй автомобиль – идентичный клон первого, если не считать номеров – стоял у въезда. Из салонов выбирались плечистые, сбитые парни с короткими стрижками. Каждый щеголял неброским, но наверняка дорогим костюмом. Трое-четверо настолько ценили комфорт, что даже не трудились ту же затянуть ремни – кобуры явственно выделялись под тканью. (Что, впрочем, можно было сделать намеренно).

Включая мотоциклистов, парней было девять. Курт даже почувствовал себя не в своей тарелке. Первым инстинктивным порывом было убираться восвояси, и навсегда забыть о этой дурацкой затее.

Он впервые назначал встречу влиятельным шишкам из Улья. Кроме того, присутствие такого количества вооруженных людей вызвано именно его скромной персоной. Они знали о нем, ждали его появления, и, вероятно, догадываются о его истинной сущности (в противном случае он бы еще долго дожидался с неба погоды – в Мегаполисе полным-полно безработных киллеров, безволосых и заурядных).

А следом за приступом паники пришла решимость. Перед глазами встала узкая больничная койка, иссушенное тело сестры. Затем – лицо матери, укрытое саваном. Каким-то образом эти две картины совместились, перетекали друг в друга. Джейн оказалась укрыта прозрачной паутиной, ее дыхания едва хватало, чтобы поднимать невесомую ткань. Все слабее...

Курт стиснул челюсти.

Завидев, как парни в костюмах напряглись, он понял, что сейчас случится нечто важное. Действительно – из первого автомобиля показался еще один персонаж. Как и телохранители, он тоже был одет в превосходный костюм, но куда более светлый, практически белый. Электрический свет отражался от ткани, как в зеркале. На фоне замусоренного двора стройная фигура смотрелась явно не к месту, – чужеродной, посторонней деталью, будто выточенной из слоновой кости.

Еще на высоком господине была белая широкополая шляпа (из тех, какие Волк еще щенком видел в дурацких вестернах), сапоги с острыми носами, и галстук-шнурок. В общем и целом образ был довольно причудливым. Вздумай этот джентльмен пройти в таком виде по Сан-Сету, и через считанные минуты толпа рвала бы его на куски.

Как бы там ни было, в данный момент Курт беспокоился вовсе не об этом. Дождавшись, когда безволосый поднял голову, Страйкер жадно впился взглядом в худощавое лицо.

Правильные черты без неровностей и резких углов, волевой подбородок, тонкие аккуратные усики. Смуглая кожа – то ли от природы, то ли это был загар, рассчитанный с математической точностью... То ли господин изменил пигментацию на генетическом уровне, чтобы не морочить голову впредь (Курт слышал и о таких ухищрениях). Темные глаза глядели исподлобья, будто два блестящих агата.

Страйкер глазел, открыв пасть от удивления. Он впервые видел обитателя верхних ярусов так близко, практически лицом к лицу. В том, что этот господин действительно спустился с самой вершины, сомневаться не приходилось, и даже Лысый Хью об этом заикался.

Тем не менее, поверить оказалось очень нелегко. Безволосый, хотя и имел на редкость ухоженный вид, на небожителя отнюдь не тянул. Обычный экземпляр, таких в Гетто сотня на квадратный метр. Однако, чем дольше Курт смотрел, тем сильнее убеждался, что все не так просто. Незнакомец словно излучал некое сияние, ауру власти и уверенности в собственных силах. В Гетто так себя не ведут – чем меньше привлекаешь внимания, тем дольше проживешь. Безволосый же в костюме слоновой кости поступал с точностью до наоборот. Стоило Волку почувствовать это, как все сомнения тут же улетучились. Усатый субъект обитал где-то у звездного Купола, и, возможно, впервые в жизни снизошел на бrenную землю. В его возможностях делать все то, о чем Волчье Племя могло лишь мечтать; владеть и распоряжаться вещами, которые даже по головизору демонстрируют издали. А главное – он мог делать все, что пожелает, не слушая никого, за исключением минутных капризов. Вряд ли его ближайшие родственники могли умереть лишь потому, что не получили вовремя необходимой помощи, сколько бы таковое ни стоило...

По обыкновению, Курт присвоил очередное прозвище – Ковбой.

Было бы логично, если бы от безволосого доносился запах дорогого виски. Однако, как Волк ни напрягался, так и не смог вычленить что-либо из отвратительной вони жженного бензина. А тот был дорогой, – не дешевле разбавленной водки, которую подавали на Сан-Сете.

Поднеся ладони ко рту, Ковбой соорудил подобие рупора.

– Эй!... – прокатилось в подворотне. – Мы здесь, покажись!

Курт вздрогнул от неожиданности. Оказывается, он уже успел позабыть, с какой целью сюда прибыл, и зачем прячется в развалинах старой гостиницы. Во дворе стояли десять безволосых, которые дожидались его появления. Через Хью он сообщил им место, и они пришли.

Встряхнувшись, Страйкер приготовился. Телохранители бешено вращали головами, обшаривая взглядами затрапезный дворик. Кое-кто поглядывал и туда, где притаился Волк. Как и положено, они ожидали нападения в любую секунду, готовясь прикрывать джентльмена в белом своими телами. Но за оружием никто не тянулся.

Курт встал на ноги и выглянул в проем.

Это сразу заметили, кто-то выкрикнул «Да вот же он!...», в его направлении устремились пять указательных пальцев. Двое парней вплотную придвинулись к Ковбою. Волк застыл на месте, обозревая двор из тени капюшона. Он ждал, пока все успокоится.

Наконец усатый господин приглашающее махнул рукой.

– Спускайся! – крикнул он. – Мы тебя ждем!

Его голос был сильный, но приятный, будто обернутая бархатом стальная болванка. Этим голосом хорошо вкрадываться в доверие детишкам и старушкам, тогда как хрипло-лающие голоса Волков более походили на заржавевшую, острую арматуру.

Курт протиснулся в оконный проем, продолжая наблюдать за безволосыми. Он мог спуститься по пожарной лестнице, но так несколько парней выпадут из поля зрения – на целые секунды. В первую очередь его заботило именно это, а не возможность произвести впечатление.

Через мгновение, мощно оттолкнувшись, он подбросил тело вверх и вперед. Полы куртки хлопали, а капюшон трепыхался вокруг головы, покуда земная поверхность летела навстречу. Наконец в ступни больно ударило, перед глазами мелькнула белая вспышка. Опустившись на полусогнутые ноги, Курт уподобился большой мохнатой пружине. Облачка пыли поднялись вокруг армейских ботинок.

Безволосые изумленно глядели на фигуру в капюшоне. Вне сомнения, такого фокуса они не ожидали. Несмотря на то, что оконный проем находился на втором этаже, от земли его отде-

ляли около семи метров. Предприятие, конечно, рискованное, но вместе с тем крайне эффективное.

Выпрямившись, Страйкер свесил руки вдоль корпуса – будто расслабленно. Теперь он видел всех безволосых, фиксировал каждое движение. Ближе других, на расстоянии пяти-шести метров, находился приземистый крепыш с бычьей шеей. Ковбой – парой метров дальше. Телохранители, придя в себя, с откровенной враждебностью уставились на странного субъекта, отличавшегося столь феноменальной прыгучестью.

Курт ждал.

Первым, естественно, заговорил Ковбой:

– Здравствуй, незнакомец. Стало быть, ты и есть тот самый боец, о котором я столько слышал от Хью?..

– Надеюсь, не слишком много, – проворчал Страйкер.

– О нет. Ты чересчур осторожен, и это мне импонирует. – Господин улыбнулся. – Даже Хью – твой агент, как я понимаю – владеет информацией в крайне скудном объеме. Остальное – его личные домыслы, густо приправленные городским фольклором. Он потчевал меня ими до тех пор, покуда я не согласился нанять именно тебя. Назовешь нам свое имя – в знак, так сказать, доверительных отношений?..

– Зачем? – Курт пожал плечами. – Я вам не доверяю.

Тут Ковбой рассмеялся – громко и заразительно. Так смеются лишь веселые и жизнерадостные люди, которые многое поведали, и, как им казалось, знали, в чем смысл жизни. Вероятно, Ковбой тоже знал, в чем был этот смысл. Тем не менее, этот безмятежный смех никак не вязался с целью настоящей встречи. Человек, который мог так смеяться, пришел, чтобы приговорить кого-то к смерти.

Теперь, когда Волк стоял достаточно близко, он без труда разглядел, что в облике высокого джентльмена присутствует ряд малозаметных, но продуманных деталей. Пряжки на сапогах, ремне и ободке шляпы в точности соответствовали узорам на зажиме галстука. Они блистали в отраженном свете, и, вероятно, были отлиты из чистейшего серебра. А еще, возможно, этот комплект предназначался исключительно этому костюму цвета слоновой кости, который, возможно, Ковбой выбросит следующим утром.

Дуновение ветерка донесло до ноздрей Волка тонкие запахи. От заказчика пахло не виски, отнюдь. Каким-то дезодорантом, а еще... жасмином. То ли одеколон, туалетная вода или ароматическое масло, то ли господин совсем недавно столкнулся с этими необычайно дорогими растениями, запах которых Курт знал лишь по гербариям Старейшины.

Концентрация жасмина была столь сильна, что Страйкеру никак не удавалось сквозь нее пробиться. Она окружала Ковбоя наподобие невидимой защиты, не позволяя Волку «рассмотреть» что-либо еще, присущее безволосому наподобие того, как присущи ему папиллярные линии ладоней. Это вполне могло быть результатом обдуманных действий, потому как безволосый наверняка знал, с кем именно ему назначена встреча...

Неожиданно Волк почувствовал стыд и жало обиды. Он показался самому себе грязным и незначительным. И, что куда хуже – недостойным стоять лицом к лицу с этим человеком. Такое с ним случалось впервые, а потому чувства были невыносимо сильны. Безволосые не могли видеть сквозь одежду или почувствовать его запах, но это ничего не меняло.

Курт непроизвольно спрятал голову поглубже в капюшон.

– И правильно делаешь, – сказал, отсмеявшись, Ковбой. – Иногда я сам себе не доверяю... Но речь не об этом. Хью объяснил, в чем именно заключается задача?..

– В том, чтобы лишить кого-то жизни. Что тут объяснять?..

– Все не так просто. Вероятно, тебе понадобится убить не одного человека. Он довольно влиятелен, и у него, разумеется, есть охрана – как минимум, четыре крепких парня. – Усмехнувшись, безволосый кивнул на своих провожатых. – Но тебе, конечно, они не противники.

– Почему вы так думаете? – вырвалось у Курта.

– Ну, ты ведь не обычный человек. Собственно, поэтому я тебя и выбрал. В наше время не так легко найти настоящего Волка. Ваше Племя объявили вне закона, но вы научилось прятаться и выживать. Поэтому, если уж настоящий Волк берется за работу, она будет выполнена наилучшим образом. Так, во всяком случае, мне показалось.

Волк затаил дыхание. О том, что было до Убежищ, щенкам Стаи никто не рассказывал. Конечно, у Племени были свои легенды и предания, однако никто не принимал их всерьез. Правда в них мешалась с нагромождениями лжи и глупых фантазий, поэтому отсеять зерна от плевел не представлялось возможным. Но Ковбой, похоже, знал настоящую правду. Возможно, знал даже о том, откуда пришло Племя...

Поэтому Курт спросил, инстинктивно стараясь, чтобы в голосе прозвучало как можно меньше заинтересованности:

– Что еще вам известно о нас?

Ковбой усмехнулся и сделал шаг вперед.

– Не так много, как хотелось бы. Однако, возможно, это и к лучшему. Ваше Племя долгие годы скрывается где-то в этом городе, и периодически меняет свое логово. Учитывая размеры Метрополисе, найти вас не проще, нежели иглу в стоге сена. То, что ты добровольно пошел на контакт – огромная удача. Наше с тобой сотрудничество может принести невероятную пользу. Как ты считаешь?.. – Ковбой пристально взглянул на Волка.

– Я выполню один-единственный заказ, – помолчав, ответил Курт. – Кроме того, Хью ничего не говорил об охране. Мол, мне придется убить лишь одного. Я получаю деньги, и все, за исключением трупа, остаются довольны. Теперь же оказывается, что жертв, как минимум, пятеро.

– Все верно, – кивнул Ковбой. – Но охрана – только дополнительные цели, тебе не обязательно всех их убивать. Если получится, конечно. Главное – разделаться с основным объектом. Хью не сказал об этом, потому что это само собой разумеющееся.

– Не сказал бы, – буркнул Страйкер.

– Ты, как я понял, во всем этом деле новичок?..

– Да. Тем не менее, ваш выбор пал на меня, – заметил Курт. – Почему?

Безволосый вновь усмехнулся:

– Потому, что ты справишься с этим делом лучше любого профессионала, лишенного... шерсти. Способность убивать заложена в самой твоей сути. Так и было задумано – очень давно, еще до создания Куполов. Так и получилось. Человек и безжалостный зверь под одной шкурой. Твои предки были величайшими воинами, когда-либо ходившими по этой Земле. А потом... – Ковбой сделал короткую паузу. – Как водится, эксперимент вышел из-под контроля. Теперь таких уж не сыскать... И, коль ты сам об этом спросил, мне хотелось бы взглянуть на твое лицо. Можно?..

Волк вздрогнул от неожиданности. Короткий рассказ заворожил его, приковал внимание к невозмутимому лицу безволосого. На какие-то секунды он утратил бдительность.

– Зачем это вам? – резко спросил он.

– Мне хотелось бы удостовериться, что ты действительно тот, за кого себя выдаешь. Пока мы видели лишь одно доказательство – ты без особого напряжения совершил прыжок с высоты десятка метров. Это сложно, но вполне осуществимо.

Курт кивнул. Похоже, делать нечего.

Он поднял руку и медленно стянул с головы капюшон, стараясь, чтобы он ни на секунду не закрывал обзор. Перемена выражений на лицах охранников не стала для него сюрпризом. Вначале их глаза округлились, следом приоткрылись рты. Такого, судя по всему, им видать еще не доводилось. Большая голова, чем-то похожая на человеческую, но в большей степени – на волчью. Уши, стоящие торчком. Рот, которому более подходило определение «пасть». В этом

лице получали подтверждение все уличные байки, утверждавшие, что по ночам в Мегалополисе бродят чудовища.

Но Ковбой продолжал разглядывать собеседника, не позволяя каким-либо чувствам прорваться на умиротворенную поверхность лица. Только, пожалуй, в глазах мерцал неподдельный интерес, а губы чуть дрогнули. Он глядел столь отстраненно, словно энтомолог – на редкий, но давным-давно изученный подвид. Взгляд бегал по физиономии Волка, заросшей густой темной шерстью, ощупывал и перебирал черту за чертой. В голове, нужно полагать, шел какой-то скрытый процесс – сравнение, анализ и запоминания. Старые негативы дополнялись текущей картинкой.

Курт не мог поручиться, что прямо сейчас его не снимают на камеру из-за тонированных стекол внедорожников. Еще бы – такая сенсация!.. Тем не менее, эти люди не были журналистами. Как ни крути, они являлись сообщниками готовящегося преступления.

Кроме того, даже если у Ковбоя и останутся на память пара минут непрофессионального видео, Волка это ничуть не тревожило. Человечество уже давно привыкло к виду когтистых, волосатых монстров, – как из художественных, так и документальных кинолент, – соответствующее же оборудование позволяло даже на скорую руку состряпать отличную графику.

Как и остальная Стая, Курт был заочно приговорен к смерти. Поэтому доказательства его злодеяния, каким бы тяжким оно ни являлось, не имели никакого значения. Терять было уже нечего.

Куда больше Волка тревожило, хватит ли денег на лечение Джейн.

– Как, говоришь, – медленно спросил Ковбой, – тебя зовут?..

Страйкер понял, что осмотр окончен, и поспешно натянул капюшон.

– Я этого не говорил. А как зовут вас?

– Лучше я скажу, как зовут нашего врага. Нашего общего врага. – Безволосый шагнул вперед. – Не возражаешь, я подойду?..

Курт кивнул, выглядывая из уютной тени капюшона.

Ковбой мелкими шажками двинулся вперед. Его правая рука, блеснув перстнем на безымянном пальце, медленно полезла в боковой карман пиджака. Через пару мгновений появилась, сжимая какой-то плоский предмет. Волк напрягся, однако на оружие вещь не походила. Да и с какой стати безволосому пытаться убить убийцу?..

Приблизившись на полтора метра, Ковбой остановился.

– Вот, – сказал он, протягивая плоский предмет.

– Что это? – недоверчиво спросил Волк.

– Портрет твоей жертвы. Возьми и нажми длинную кнопку.

Страйкер, помедлив мгновение, все же протянул лапу. Плоская штука легко легла в ладонь, будучи почти невесомой. Прежде чем следовать незамысловатой инструкции, Курт повертел предмет в руках, изучая со всех сторон. Он даже подумал, что, если это действительно какой-то подвох, вряд ли ему удастся таковой распознать. Нужно было заставить безволосого самого все включать, – пронеслось в голове. Сейчас такое требование прозвучало бы несколько запоздало, и в чем-то даже нелепо.

Вытянув лапу в сторону, он на ощупь нашел длинную кнопку.

В то же мгновение планшетка озарилась внутренним светом. Волк ожидал чего-то подобного, а потому рука его даже не дрогнула. Развернув предмет к лицу, он увидел, как одна его сторона превратилась в небольшой дисплей. На нем, медленно вращаясь, мерцало какое-то изображение. Курт с любопытством поднес планшетку ближе.

На него уставилась круглая физиономия с короткой бородкой. Крохотные глазки недобро глядели из-под лохматых бровей. Голова, на которой пребывало все это хозяйство, равномерно проворачивалась вокруг невидимой оси. Снимок оказался трехмерным. Вскоре Страйкер лицезрел коротко стриженный затылок и жирную, складчатую шею.

Волку сразу же не понравился этот субъект. Но он, как ни странно, почувствовал лишь облегчение. Если ему предстоит ликвидировать именно этого безволосого, симпатия могла осложнить задачу.

Под экраном, рядом с клавишей питания оказались еще четыре. Поэкспериментировав, Волк понял, что может по своему усмотрению поворачивать или останавливать изображение. Вероятно, данный прибор был способен хранить в себе немало подобных картинок, что делало его весьма функциональным, а порой – даже незаменимым. Когда, к примеру, требовалось передать наемнику определенную информацию визуального свойства...

– Его зовут Род Майклсон.

Курт, вздрогнув, оторвался от снимка. Ковбой кивнул.

– Верно, – добавил он. – Рассмотрю получше. Ошибиться нельзя.

– Где я смогу его найти?

– Совсем недалеко. В нескольких кварталах отсюда. – Безволосый махнул в сторону Северо-Восточного Улья. – Пересечение Тисовой и Оружейной. Там, в сорок третьем, находится подпольный бордель. Господин Майклсон – большой любитель плотских утех. Что, впрочем, вполне очевидно, стоит лишь взглянуть на эту жирную рожу... – Ковбой холодно рассмеялся. – Большая часть его увлечений вполне безобидна (как, например, страсть к домашней кухне), но некоторые запрещены даже в Ульях. Именно поэтому Род примерно раз в месяц спускается в Гетто, чтобы отвести душу. Сегодня – как раз такой день. Если ты промахнешься, Майклсон еще долго будет трястись от страха на верхнем ярусе, пока решиться на очередную вылазку. Ты понял?

Волк, кивнув, вновь нажал плоскую клавишу. Экран тут же погас.

Но Ковбой покачал головой:

– Оставь себе. Возможно, еще понадобится.

Страйкер пожал плечами и сунул прибор в карман куртки. Теперь он смог разглядеть, что обе руки безволосого затянuty в тонкие перчатки телесного цвета, повторяющие каждый контур кистей. Вне сомнений, разумная предосторожность – на приборе остались только волчьи отпечатки.

– Вероятно, мне нужно идти?..

– Можешь не торопиться. У тебя в запасе как минимум два часа. – Безволосый сделал непринужденный жест. – Если не случится ничего непредвиденного, Род не покажется раньше. Ну, а если все-таки случится, наше мероприятие тоже логично перенести на следующий раз.

Курт поморщился под капюшоном. Джейн ждать не сможет.

– Как насчет оплаты? – спросил он.

– Да, верно... – Ковбой полез в другой карман, достал кредитный чип с логотипом Национального Банка. – Вот, держи. – Волк взял холодную пластину и повертел ее в лапах. – Здесь половина – две с половиной тысячи. Остальное поступит на счет сразу же, как только работа будет выполнена.

– Как скоро вы об этом узнаете?

– Скоро, не волнуйся. Практически мгновенно.

Курт продолжал изучать пластину чипа. Вот, оказывается, какова цена человеческой жизни. Но, с другой стороны, в трущобах могли убить за горсть мелочи, а смерть господина Майклсона спасет другую жизнь...

Вечный обмен.

Волк понятия не имел, ту ли штуковину всучил ему Ковбой. Однако, проверить это представлялось возможным лишь в каком-нибудь банкомате – надкусывание тут не поможет. Поэтому Курт просто спрятал чип во внутренний карман.

– А вы не боитесь, – неожиданно для самого себя поинтересовался он, – что я просто сбегу с этими деньгами, не выполнив работу?

Ковбой широко улыбнулся, продемонстрировав крупные белые зубы:

– Нет, не боюсь. Тебе нужна вторая половина, откуда-то я это знаю. Впрочем, даже если ты удовлетворишься одной, я всегда смогу вернуть деньги за счет Хью. Ты ведь не хочешь подвести своего агента, верно?.. – В темных глазах безволосого вспыхнули сумасшедшие огоньки. – С другой стороны, я также не могу предоставить тебе ни единой гарантии. Вместе с тем, ничто не может помешать и тебе обратиться к Лысому Хью. Если смотреть в корень, зачем еще нужны посредники?..

Страйкер не ответил. На Хью ему было плевать, и все-таки в главном Ковбой не ошибся.

– Чем, помимо телесных утех, занимается Майклсон? – спросил Волк, прикоснувшись к карману, в котором лежала планшетка.

Ковбой нахмурился:

– Пусть это тебя не заботит. Настоящий профессионал не забивает голову посторонними вещами. Тебе нужно знать лишь то, что его нужно прикончить – во что бы то ни стало. Один человек, если он не душевнобольной, не может без достаточно веских причин желать смерти другого. Мы с ним – давние враги. Он нехороший человек, Волк. Его руки по самые плечи в крови. Ликвидировав его, ты поможешь не только мне.

«Ликвидировав», – эхом пронеслось в голове Курта. Вероятно, такие понятия в ходу у профессионалов. Слово было холодным и бездушным, словно речь шла о плановой дезинсекции, а не о человеческой жизни. Но в таком контексте Волку слово понравилось.

Что, впрочем, не влияло на статус дилетанта.

– Свидетели – на твое усмотрение, – продолжил безволосый. – Можешь их не трогать, а можешь перебить всех до единого. Вряд ли кто-то успеет тебя рассмотреть... Если хотя бы малая половина того, что я слышал о вашем Племени – правда.

Курт пожал плечами. Откуда он знал, как повернутся события?..

– Ну, и на закуску... Сейчас я достану оружие, – сказал Ковбой, – после чего отдам его тебе. Оно нигде не зарегистрировано, нет даже заводской маркировки. – Безволосый сунул правую руку под пиджак и осторожно извлек пистолет, держа его за длинный ствол.

Страйкер протянул руку и машинально схватил рукоять. Та удобно легла в ладонь, будто специально подгонялась под волчью лапу. Пистолет оказался более тяжелым, чем Курт полагал, но ощущать его вес оказалось неожиданно приятно. Черный ствол и рукоять были превосходно сбалансированы. Коготь Волка так и просился лечь на спусковой крючок.

– Зачем?..

– Не помешает, – ответил Ковбой. – Пули – разрывные. Достаточно одного попадания, чтобы оторвать человеку руку. На рукояти не останется никаких следов, поэтому можешь бросить его прямо на месте. Это все. Удачи.

Тут господин сделал еще одну странную вещь – протянул руку и хлопнул Волка по плечу. Этот жест оказался настолько неожиданным, что Страйкер даже не пытался увернуться, когда его коснулась затянута в перчатку рука. Он почувствовал запах дорогой ткани, доселе не побывавшей в стирке, дезодорант, а также, конечно, жасмин.

Тем не менее, кое-какие детали все же прорвались сквозь эту завесу. Запах Ковбоя оказался весьма специфичен, но и едва ощутим, как сиюминутный ветерок.

Глухо зарывчав, Волк увернулся и сбросил руку с плеча. Телохранители не сдвинулись мест, но кое-кто все же насутился и потянулся к оружию. А Ковбой, как ни странно, ничуть не расстроился. Успокоив охрану единственным жестом, он улыбнулся и кивнул Курту на прощание.

Затем, развернувшись, направился к автомобилю. Телохранители начали сворачивать позиции. Мотоциклисты оседлали своих стальных коней, водители сели за баранки. Взревели моторы. Ковбой неторопливо влез на заднее сиденье, один из телохранителей захлоп-

нул дверь. Внедорожник мягко тронулся с места. Мотоциклы возглавляли колонну; каменный мусор летел из-под рифленых протекторов.

Вскоре шум моторов затих в отдалении.

В подворотне сгустились ночь и тишина, напоенные газообразными продуктами горения жидкого топлива. Курт стоял, не двигаясь с места, прислушиваясь и пробуя воздух. Затем поглядел на пистолет, который продолжал сжимать в руке.

Очевидно, эта штука была ему без всякой надобности. Ему никогда не доводилось стрелять из огнестрельного оружия, а учиться – за пару часов до самого мероприятия – было поздно. Безволосый, вероятно, даже не предполагал такой вероятности – что некто, происходящий из маргинальных слоев Гетто, не умеет обращаться с оружием. Ковбой наверняка бы удивился, узнав, что в действительности Племя живет по соседству.

Как бы там ни было, Курт пришел к выводу, что с этим стволом он рискует совершить массу ошибок. А также, разумеется, лишиться единственного преимущества – того, что делало его Волком. У безволосых были горы оружия, однако почему-то они обратились к члену Стаи. Следовательно, таким преимуществом следовало распорядиться наилучшим образом.

Вынув из пистолета магазин, Страйкер один за другим разбросал по двору патроны. Следом полетели пустая обойма, затвор, возвратная пружина и рама с рукояткой – на все четыре стороны света. Разыскать части единого целого среди всего того мусора, что усеивал двор, было задачей непростой – даже если знать, что искать.

Боек, чуть помедлив, Курт зашвырнул в один из оконных проемов.

Бывало, стоя на часах у входа в Убежище, он успевал не один десяток раз расчленить и собрать пистолет легендарного Коррига, – чтобы убить время. Тем не менее, знание устройства оружия не шло ни в какое сравнение со стрелковыми навыками Волка (вернее, отсутствием таковых).

Невзирая на слова Ковбоя, ему следовало поторопиться.

Непроизвольно коснувшись кармана с планшеткой, Страйкер направился к выходу из подворотни. Там он немного помедлил, оглядываясь на предмет неприятных сюрпризов, после чего продолжил путь. Свет дальних фонарей лежал на асфальте влажными полосами. Не было видно ни одной живой души, и даже патрули куда-то подевались. Звезды равнодушно глядели сквозь Купол, Луна без спешки продолжала полет.

На том перекрестке, где, по утверждению Ковбоя, находился нелегальный бордель, Волку доводилось бывать два-три раза. Разумеется, тогда у него не возникало особой нужды что-либо разнюхивать, поэтому обстановка с трудом воскрешалась в сознании. Мегаполис был колоссален. А вылазки на поверхность – молниеносны и поспешны.

Как бы там ни было, прежде чем браться за дело, Курт решил кое-что разузнать – тем более, что это оказалось по дороге. Местонахождение ближайшего банкомата он знал доподлинно. При подборе места для встречи этот фактор также сыграл немаловажную роль.

Судя по слухам, в Ульях бумажные деньги почти не использовались, зато в Гетто по-прежнему имели большое хождение. Приземленные – в обоих смыслах слова – жители доверяли бумаге значительно больше, нежели абстрактным банковским потокам. Счет можно заморозить, арестовать или ограбить из Сети, тогда как «бумажные» сбережения подвергались не меньшему, однако куда более привычному риску. Кроме того, у сделки, совершенной по старинке, оставалось куда больше шансов остаться незамеченной, нежели у перечислений сумм с одного счета на другой.

Банкомат был похож на бронированный гроб с эмблемой Национального Банка. Поравнявшись с «крышкой», Курт в недоумении почесал затылок. Прежде он вообще был знаком с деньгами лишь понаслышке, теперь же приходилось прибегать к услугам столь странного аппарата. Еще на подходе он начал беспокойно оглядываться. Фигура в капюшоне, тревожащая

банкомат в столь неурочный час, могла вызвать вполне обоснованные подозрения. Поэтому действовать следовало быстро. Но как?..

В металлической панели не обнаружилось ни клавиш, ни мониторов.

Волк уже было решил, что на ночь аппарат отключили, как вдруг раздался голос:

– Вставьте, пожалуйста, кредитный чип.

Голос был мужским, с металлическими интонациями.

От неожиданности Страйкер подпрыгнул на месте. Затем огляделся, однако не заметил ничего необычного. Вероятно, банкомат каким-то образом почувствовал его присутствие – сканерами или чем-то еще.

Что-то щелкнуло, в корпусе показалась узкая приемная щель.

Достав кредитку, Курт замер в нерешительности. Что, если аппарат неисправен?.. Проглотит чип, заявит, что никаких денег там нет. Волк уже слышал о таких происшествиях. С другой стороны, отправляться в банк лично также было не лучшей затеей.

Страйкер затаил дыхание и бережно сунул чип в щель. Тот сразу скрылся внутри, какая-то сила буквально вырвала пластину из пальцев. Определенно, далеко не самое лучшее начало.

Тем не менее, через несколько секунд металлическая поверхность пришла в движение. Примерно на уровне физиономии Волка разошлись створки, за которыми обнаружилось оконце небольшого монитора. На последнем мерцал все тот же логотип. Так продолжалось еще пару секунд, а затем эмблема сменилась благожелательным мужским лицом.

Курт инстинктивно отпрянул, но тут же сообразил, что, конечно, это был обычный конструкт. Компьютерный софт умел все, что должен уметь обычный клерк. Еще он имел стандартный комплект физиогномических ужимок, а также, возможно, знал пару шуток.

– Чем могу быть полезен? – осведомился конструкт, вежливо улыбнувшись.

Волк чуть замешкался, подбирая слова:

– Я... хочу проверить счет.

– Пожалуйста. Ваш анонимный счет был открыт вчера, ровно в двенадцать пополудни. Порядковый номер – 58443. Содержимое – 2,5 тысячи американских долларов. Чип выдан на предъявителя. Чтобы предпринять какие-либо действия относительно данной суммы, вам достаточно лишь изъявить желание. – Конструкт выжидающе уставился на Волка.

Страйкер лихорадочно размышлял. Вероятно, ему следует забрать эти две с половиной тысячи прямо сейчас. Карманы он не слишком отяготит, зато подстрахует ближайшее будущее – если Ковбой все же планирует его провести.

– Да, – сказал он, – я хочу получить всю сумму.

– Какими купюрами, сэр?

Вопрос поставил Курта в тупик.

– Что?..

– Двадцать пять сотен, или банкнотами меньшего достоинства?..

– Гм... Давайте двадцать пять, – решил Волк.

– Должен предупредить, что, если вы снимете всю сумму, ваш счет прекратит существование. Подтверждаете?..

– Нет! – воскликнул Курт. Каким в таком случае образом Ковбой переведет оставшуюся сумму? – Оставьте десять долларов. Достаточно?

– Вполне. Я выдам вам двадцать четыре сотни, одну банкноту в пятьдесят, а две по двадцать. Подтверждаете?..

– Да. Будьте любезны, – добавил Волк.

– Секундочку...

Внутри банкомата что-то зашелестело, после чего рядом с монитором открылось оконце поменьше – своего рода форточка. Там, в специальной пластиковой тарелке, лежала ровная стопка зеленоватых купюр. Страйкер с быстротой молнии сгреб все без остатка.

Форточка захлопнулась. Приемная щель выплюнула чип.

– Всего доброго, – попрощался конструкт. – Заходите еще.

Бронированная плита встала на место, закрывая монитор. После того, как Курт вынул чип, закрылась и щель. Банкомат вновь принял вид металлического гроба.

Страйкер поднес пухлую пачку к лицу.

Купюры были совсем свежими, – возможно, их еще не касалась рука человека. Каждую украшал портрет серьезного мужа. Больше всех было Бенджамина Франклина, чья прическа показалась Волку несколько странной. На ощупь каждая банкнота оказалась сухой и шершавой, будто языки молодых Волчиц. Деньги пахли первосортной бумагой и типографской краской. Почему-то этот запах Курту сразу понравился.

Спрятав банкноты во внутренний карман, он продолжил путь.

Большую часть суммы он уже собрал. Оставалось еще полторы тысячи. А также, конечно, не помешает иметь кое-что про запас – на случай неожиданных расходов.

Если бы Ковбой сглупил, и перевел на счет все деньги, Волк не задумываясь отправился бы прямиком в Убежище. Что ему до проблем безволосых?.. Это мероприятие было задумано как единичное, впредь Страйкер поклялся себе свято блюсти Заветы.

Безусловно, Хью и Ковбой понятия не имели, где его искать. Если бы несостоявшийся убийца испарился с деньгами, безволосые могли перегрызть друг другу глотки – Курту было плевать.

Но так уж вышло, что Ковбой оказался на редкость умен. Как ни странно, этот безволосый импонировал Волку. Один из очень немногих (если не считать самок), и дело было не только в исходящих от него приятных ароматах (хотя и в них тоже). Этот безволосый наверняка жил под самым Куполом, но Страйкер не чувствовал зависти.

У Ковбоя был стиль.

В нем чувствовалась загадка – как тот едва уловимый запах, что на мгновение почувствовал Курт. Она затаилась в уголках насмешливых глаз, в трещинках аккуратных морщин у оконечностей губ. Этот безволосый любил улыбаться, вот только веселиться – навряд ли.

Волк мотнул головой, будто собирался вытряхнуть несвоевременные мысли. Сейчас нужно думать о деле. Каким образом он собирается «ликвидировать» Майклсона, а также обезвредить охрану? На ум не приходило ничего выдающегося. Вероятно, – решил он, – придется импровизировать. Как во время тех драк, в которых время от времени принимал участие по дороге в Гетто. Или, что даже серьезнее, во время потасовок в родном Убежище, когда юные Волки выясняли отношения.

Поглядывая на таблички с указанием улиц и номеров домов, Курт корректировал маршрут. Уличные патрули становились все реже, а потому избегать их также не составляло труда. Престижный район с неохотой сменялся жильем для обычного люда. Появились первые магазины и бары, – бледные тени от буйства Бульвара Сан-Сет. Однако, стоило отойти от освещенных витрин и голографических вывесок, как ночь вновь сгущалась над улицей. С интервалами в несколько минут мимо проносился автомобиль. Из салона, как правило, доносился смех и запах спиртного.

Страйкер целеустремленно шел по тротуару, спрятав голову в капюшоне, а лапы в карманах. Всякий раз, когда впереди показывались группки безволосых, включавшие более трех хохочущих глоток, Волк переходил на другую сторону. Порой его окликали, но безуспешно. Сейчас не хватало, – думал он, – сцепиться с подгулявшей молодежью.

Впрочем, эти опасения оказались напрасны. По мере приближения к дому № 43 всякая активность исчезла, словно по волшебству. Оружейная брала начало на следующем перекрестке. Насколько Курт помнил, Тисовая улица была довольно широкой, с двусторонним, хотя и жидковатым движением. Ее застраивали будто впопыхах, но результат оказался довольно неплох.

Судя по всему, все дома были построены вскоре после возведения Купола. Они неплохо сохранились, хотя кое-где сквозь впечатляющий грим и выпирали голые кости. В большинстве своем здания были четырех-пятиэтажными, только в отдалении маячили пара высотных колонн. «Угрюмые старички», – как называл их Курт.

Он вышел на перекресток и замер в тени. Проезжая часть пустовала, если не считать летевших на юг отраженных огней. Пара пешеходов, немного пошатываясь, брели по другой стороне. Волк проводил их взглядом. Вот они, едва не упав, начали переходить бетонированный въезд в какую-то подворотню. Проем загораживал полосатый шлагбаум. Один из выпивох остановился, однако из тени тут же вышли пара широкоплечих парней. «Идите-ка отсюда», – донеслось к Волку через улицу. Парочка, поддерживая друг дружку, последовала указанию и вскоре исчезла в ночи.

Страйкеру не было нужды смотреть на номерной знак того дома. Он и так знал, что попал по адресу.

Было бы наивно полагать, что подпольный бордель имел отдельный вход на фасаде, или же в «нумера» можно угодить через парадный. Нет, все оказалось вполне в традициях жанра.

Курт мог вполне определенно полагать, что большая часть заведения расположена за тем самым шлагбаумом, который охраняли, как минимум, двое молодчиков. Судя по бетонированному въезду, внутри была какая-то стоянка, либо что-то в этом роде. Вполне вероятно, что автомобиль Майклсона (не пришел же он пешком!) стоит именно там. А внутри машины, вполне возможно, дожидается шофер и кто-то из охраны.

Таким образом, Волк с ходу отверг идею «лобового прорыва».

Он должен упасть с неба, выполнить работу, и вновь скрыться во тьме. На все про все должно уйти всего несколько секунд. Если же разбираться с охраной постепенно, по мере появления, так, чего доброго, придется отправляться за Родом в «нумера». Страйкер на мгновение представил себе бешеную гонку по роскошным комнатам, устланным кружевами и женскими телами, за трясущейся от страха грудой жира...

Упасть с неба, – мелькнула внезапная догадка. Курт взглянул на фасад здания более предметно. Балкончики были небольшими, и поэтому располагались на редкость компактно. Друг от друга их разделяли два с лишним метра. Окна и стеклянные двери были черны; жильцы, должно быть, давным-давно отошли ко сну.

Приняв решение, Волк не стал медлить. Пройдя по Тисовой к дому № 45, он перешел дорогу и двинулся в противоположном направлении. По мере приближения к цели походка его замедлялась, а глаза все более тщательно шарили по сторонам. Вот мимо промчался автомобиль, и Курту пришлось остановиться в тени, пока свет фар не потухнет вдаль. Но, поравнявшись с парадным входом, он медлить не стал.

Страйкер оттолкнулся от асфальта и взмыл в воздух. Сильные пальцы ухватились за край портика, что нависал над подъездом. Мгновение спустя он уже стоял в оконном проеме подъезда, принаравливаясь к новому прыжку. Вот лапы ухватились за чугунные перила, Курт одним броском втащил себя на балкон. Но и тут не следовало задерживаться. Он пригнулся, прошел мимо стеклянной двери, а затем прыгнул вновь – на этот раз на третий этаж. Стена дома просвистела мимо, под ногами мелькнул темный асфальт.

Ему пришлось совершить еще шесть подобных прыжков. Стена дома была темно-серой, и все же черный силуэт отлично выделялся на общем фоне. Но, хвала Богам, на Тисовой не оказалось прохожих. В противном случае, заинтересовавшись увиденным, они могли поднять шум, дабы все остальные также могли полюбоваться легендарным Спайдер-меном.

Особенно трудно пришлось на самом углу. Охранники курили и о чем-то болтали внизу, у шлагбаума, тогда как Курт изо всех старался не шуметь, и даже почти не дышал. Ему пришлось взобраться на четвертый этаж, и уже оттуда совершить рискованный прыжок – на балкон третьего, что едва-едва показался из-за угла.

Пальцы правой лапы, соскользнув с перил, каким-то чудом сомкнулись на одном из прутьев. Волк стиснул его мертвой хваткой. Секунду спустя подоспело остальное тело. Страйкер что есть силы стиснул челюсти, чтобы не пустить наружу яростный вопль. Он сильно приложился ребрами о бетонный бортик, так, что из глаз искры посыпались. А какое-то мгновение спустя в локтевой и плечевой сустав, казалось, залили расплавленный свинец.

Но для криков это было явно не подходящее время. Курт отлично помнил об охранниках, что топтались внизу. Поэтому, не делая из обычной боли трагедию, Волк ухватился за перила второй лапой, подтянулся и забросил тело по ту сторону. Лишь там, распластавшись на керамической плитке, он позволил себе перевести дух.

Около минуты он любовался влажными облачками, вылетающими из пасти, и прислушивался к тому, что творилось внизу. Охранники продолжали разговор на отвлеченные темы, похоже, ничуть не обеспокоившись странными звуками. Разговор вели двое, но делать выводы было рановато.

Лапы Волка тем временем ощупывали тело и конечности. Ребра болели, и все же были целы. Суставы также постепенно отходили. Главное, что сухожилия и мышцы также не подвели – без правой руки пришлось бы несладко.

Приподняв голову, Курт заглянул в стеклянную дверь. Та была занавешена изнутри плотной тканью, через которую, вероятно, не пробивался даже солнечный свет, не говоря о автомобильных фарах. Во всяком случае, рассмотреть сквозь нее силуэт навряд ли было возможно. Привстав, Страйкер облокотился о керамический пол и выглянул наружу.

Дом по Тисовой № 43 извивался буквой «S». Дворик, отгороженный шлагбаумом, был образован сомкнутыми кирпичными стенами. Другого выхода, если не считать единственный подъезд, отсюда не было. С позиции Курта была превосходно видна бронированная дверь с зарешеченным оконцем. Над козырьком крепились две видеокамеры, а у косяка болтался на цепи красный фонарь (вероятно, имевший какое-то символическое значение).

В этой части дома окна были преимущественно светлы, – исключая лишь четвертый этаж. Часть проемов горела белыми прямоугольниками, но большинство освещали интимные приглушенные тона – розовый, голубой, бежевый, зеленый. Сложные конструкции тюли и занавесей скрывали все, что происходило внутри. Как ни пытался Волк что-либо разглядеть, все его попытки не достигли результата.

Собственно, удивляться было нечему. Курт не сомневался, что все эти окна были пуленепробиваемы. А судя по тому, что Род Майклсон – какая-то влиятельная шишка из Улья (если уж такой стилиста, как Ковбой желал его смерти) – любил здесь поразвлечься, бордель был далеко не самый дешевый. В таких местах клиентов обычно ценили, и из кожи лезли, чтобы угодить любой их прихоти. Разумеется, конфиденциальность и безопасность были неизменными условиями.

Страйкер бы также не удивился, если бы узнал, что в данный момент заведение работало на одного Майклсона. Ковбой обмолвился, что того интересуют какие-то специфические удовольствия, которые можно получить лишь в Гетто. Курт понятия не имел, что это было. Конкретно, конечно – в голове завертелось множество догадок, одна хуже другой. Дети, киборги, калеки, машины, даже животные...

Думая об этом, Волк не чувствовал ни гнева, ни отвращения. Его не особо заботило, чем именно занимался там безволосый. Что бы это ни было, он делал это в последний раз. Майклсон УЖЕ стал жертвой, хотя даже не подозревал об этом.

Курт отвел взгляд от окон и посмотрел вниз. Возле подъезда был припаркован один из самых роскошных автомобилей, которые Волку лишь доводилось видеть. Это был «Крайслер» класса «элит», зеркально-черный и обтекаемый. Относительно этой машины можно было употребить слово «причален» – внешние формы более напоминали подводную лодку. Вероятно,

под капотом у него стоял мощный электромотор, – объемом в среднюю молнию, и мощностью в три-четыре сотни лошадиных сил.

Черные стекла сливались с черным же корпусом, поглощая световое излучение, но ничего не выпуская обратно. Можно было только гадать, сколько безволосых сидит в салоне. Тот был достаточно объемен, чтобы вместить не менее пяти-шести человек.

Страйкер отлично понимал, что Майклсона следует достать в тот момент, когда он будет идти через двор. Если ему удастся законсервироваться в своей авто-подлодке, дело можно считать проваленным. «Крайслер» наверняка был бронирован не хуже батискафа, и, вероятно, мог выдержать давление в пару тонн на квадратный дюйм. Тут бессильны даже волчьи когти.

Несколько метров. Еще меньше секунд.

Подул слабый ветерок, зародившийся где-то под Куполом, – из испарений целого Мегаполиса. Вот он изменил направление, и ноздрей Волка коснулся запах женских духов. Букет был очень непрост, сладкий, но слегка горьковатый. В нем чувствовалась свежесть горных лугов, пыльца на лепестках... Все то, что осталось в частных теплицах, и, – относительно лугов, – в стим-конструкциях. Запах неизбывной печали.

Столь дорогие духи встречались Курту нечасто. Как правило, на Бульваре гордо прошествует какая-то дома, или же сквозной ветерок продует салон лимузина. Ну а здесь, судя по всему, духи были призваны услаждать тонкое обоняние клиентов.

Страйкер достал электронную планшетку, и с минуту внимательно изучал трехмерное изображение. Мистер Майклсон беззаботно вращался на жидкокристаллическом экране, накрепко запечатлеваясь в памяти Курта. Мог ли оригинал почувствовать, что сейчас на него смотрит убийца?.. – спросил себя Страйкер. – Нет, навряд ли...

Опустив прибор на керамическую плитку пола, Волк приготовился к долгому ожиданию. Глаза его, не мигая, уставились на металлическую дверь. Спина прильнула к холодной стене, благодаря чему разглядеть Курта из-за стеклянной двери стало очень непросто. Хотя, с чего бы жильцам проявлять любопытство в столь глухую пору, да еще из-за такого пустяка, как присутствие на собственном балконе загадочного персонажа?.. Впрочем, не исключено, – отстраненно думал Курт, – что там вовсе нет никого, а бордель занимает целое крыло...

До предполагаемого срока оставалось чуть больше часа. Страйкер надеялся управиться, максимум, за два-три часа. Пришел, увидел, сделал работу. На деле же оказалось не так просто. А ведь ему еще следовало попасть в больницу, но без денег туда соваться нечего.

Поэтому Курт принялся ждать. Сознание того, что он первый раз в жизни сидит в засаде, облегчало задачу.

Дыхание замедлялось вдох за вдохом. Мышцы расслаблялись, растекались под шкурой. Вскоре Волк уже походил на причудливое изваяние, что украшало какой-то невзрачный балкон.

Тем не менее, уши его продолжали ловить каждый шорох – на тот случай, если это окажется скрежет засовов. Охранники без умолку трепались внизу. Похоже, что их и впрямь было лишь двое, если только остальные не молчали с самого рождения. Те же, что вели разговор, делали шума не меньше, чем несколько Волчиц, обеспокоенных проказами собственных щенков.

Страйкер слышал каждое слово, однако не слишком концентрировался на содержании беседы. В противном случае терпения не хватило бы на пять минут. Безволосые без всякой последовательности перескакивали с одной темы на другую, обсуждая женщин, выпивку, футбол, а затем снова женщин.

Прошло не более полчаса, когда раздался долгожданный звук. Более всего он был похож на соприкосновение металла, проворачивающегося в каком-то несложном механизме. Охранники тоже это расслышали, и тут же утихли. (Курту так и не довелось узнать, что именно

изображала татуировка на правом бедре «новенькой»). Звук повторился, доказав, что действительно исходил с того самого вектора.

Со стороны дверного проема.

«Крайслер» утробно взревел – гораздо тише, чем положено трехтактовому двигателю.

Волк поднялся на ноги одним плавным движением. Взгляд его протянулся через двор к дверному проему. Если первые звуки могли означать очень многое, то «Крайслер» устранил все сомнения, – одним-единственным поворотом ключа в замке зажигания.

Страйкер приготовился к броску.

Телохранители, вероятно, предупредили водителя еще изнутри, что «объект готовится к выходу». Волк уже видел такое в кино.

Временной промежуток, начавшийся замком в двери борделя, включал не более пяти секунд. В этот незначительный срок, словно в вакуумный контейнер, отлично вместились все измышления Волка: компактно и слаженно, не допуская малейшего намека на страх или сомнения.

Курт подался вперед. Передние лапы легли на перила, готовясь забросить мохнатое тело по ту сторону. Теперь Волка ничуть не заботило, может кто-либо увидеть его через балконную дверь, или нет. Главное, чтобы не заметили снизу, однако болтливые сторожа перенесли все внимание на входную дверь. Она вот-вот грозила распахнуться. Каждое мгновение летело в вечность неспешно, точь-в-точь невесомое перышко, сграбастанное силой притяжения.

Мышцы Волка стремительно наливались мощью и жизнью. Легкие мерно качали газовую смесь. Кровь бежала по жилам, доставляя кислород везде, где тот только требовался. Мысли кристаллизовались в колючие снежинки, не похожие одна на другую. Органы чувств доставляли мегабайты данных. Нейроны работали слаженно и четко, не опускаясь до неуместных ссор.

Наконец это случилось.

Субъективное время Страйкера замедлило бег, все окружающее будто поплыло в замедленном просмотре. Бронированная дверь провернулась на петлях; проем открывался дюйм за дюймом. Из освещенного помещения в темный двор хлынуло, расширяясь, ярко-желтое лезвие. Мгновение спустя желтый квадрат заступила чья-то тень.

Волк не двигался. Он знал, что первым должен выйти телохранитель. Глаза ощупывали черный силуэт, застывший у порога – слишком высокий и стройный. Безволосый оглядывался по сторонам, но, похоже, не догадывался поднять взгляд выше второго этажа. А если и догадался, то не смог отсеять темный силуэт от еще более черной балконной двери. Курт даже задержал дыхание – как ему казалось, это был наиболее опасный момент.

Но ничего не случилось. Во всяком случае, никто не стал кричать «Эй, кто это там?!», и показывать пальцем на узкий балкончик с изготовившейся к прыжку фигурой.

Вместо этого «Крайслер» приоткрыл пассажирскую дверь. Наружу хлынул другой поток света. Из салона показался плечистый приземистый парень, в правой руке он держал короткоствольный автомат.

Волк непроизвольно ощерился.

Из двери борделя тем временем выходила вторая фигура – также ни капли не соответствующая мысленному образу, что составил Курт. Лицо было скрыто в тени, однако определением «жирная рожа», который использовал Ковбой, там и не пахло.

Все трое телохранителей помедлили, оглядываясь. Наконец тот, что показался первым, обернулся и махнул рукой. Желтый проем заслонила крупногабаритная туша, семяющая на коротеньких ножках. Она вышла из подъезда и сразу же двинулась в сторону «Крайслера». Вот свет из салона упал под верным углом, выхватив из хитросплетения теней ту самую картину, которую Курт изучал около получаса назад в электронной планшете. Это была круглая, лос-

нящаяся физиономия с глубоко сидевшими глазками и трясущимися при каждом движении щеками.

Еще до того, как Волк разглядел все эти подробности, он уже летел к земле с ускорением в 9,8 метров в секунду. Уцепившись за балкон второго этажа, он тут же мощно оттолкнулся, тем самым замедляя падение, но приобретая нужное направление. «Крайслер» мчался навстречу. Воздух свистел в ушах и набивался в глаза комьями ваты.

Разумеется, он не потрудился составить конкретный план. Зато у него было необъятное наследие, запечатанное где-то по ту сторону сознания, в узорных витках ДНК. Курт решил довериться инстинктам, выбрав из обширного списка наиболее мощный и древний, дошедший из непроглядного мрака столетий. Он действовал, не задумываясь и без колебаний, руководствуясь лишь неувимыми токами, звучащими в сознании хрустальными нитями. Разве далекие предки, собираясь на охоту, долго и в подробностях обдумывали грядущее убийство?.. Вот так Страйкер совершил бросок.

Безволосые будто стояли по шею в вязкой, клейкой патоке, – движения их казались странно замедленными. Двое, что вышли из подъезда, заметили угрозу первыми. Один что-то крикнул, и, почти синхронно с напарником, рванул полу пиджака, где висело оружие. При этом ему, вероятно, казалось, что он действует молниеносно. На деле же получилось, что Волк мог фиксировать взглядом каждое движение – плавное и почти осторожное.

События поступали одно за другим, как зубчатая передача.

Парень с автоматом стал оборачиваться. Водительская дверца «Крайслера» щелкнула и распахнулась. Водитель, почувствовав, что ситуация вдруг обострилась, спешил на помощь начальству. Что же касалось последнего, то Род Майклсон просто застыл, выпучив глаза и распахнув рот. Он будто бы что-то кричал, но Волк не смог связать эти мычащие звуки в единое целое.

Курт приземлился на асфальт, поджал ноги и тут же вновь взмыл в воздух. Этот прыжок забросил его на крышу «Крайслера». Машина сильно пошатнулась на рессорах, металлическая крыша прогнулась, а где-то сухо треснуло стекло. Не дожидаясь, пока безволосые что-либо предпримут, Страйкер нанес первый удар. Водитель как раз распрямился, и уже начал оборачиваться, чтобы поглядеть, что происходит у него за спиной.

Волк протянул лапу, схватил безволосого за шею, сдавил когти и с силой рванул. В ладони у него остался трепещущий кусок плоти, истекающий кровью, из которого торчала белая трубка гортани. Безволосый пошатнулся и попытался зажать зияющую рану руками. Но кровь из порванных артерий хлестала тугими красными струями, рвалась между пальцев. Глаза безволосого закатились, он начал падать.

Все это Курт видел уже краем глаза. Не дожидаясь, когда тело безволосого рухнет на асфальт, он серой молнией бросился вперед. Парень с автоматом развернулся, поднимая оружие и бешено дергая затвор. Все его навыки, наработанные, вероятно, долгими часами тренировок, куда-то подевались. Такой пустячок, как предохранитель, превратился в настоящую проблему.

Волк пролетел мимо. Его правая лапа, вытянувшись в сторону, полоснула когтями по изумленному лицу. Гладко выбритая кожа разошлась сразу в четырех местах, будто взрезанная бритвой. Из длинных узких ран хлынула кровь. Парень завопил, но его автомат неожиданно ожил.

Страйкер без труда увернулся от скорострельной очереди. Ствол оглушительно стрекотал, выплевывая огонь и раскаленные кусочки металла. Самых пуль Курт не видел, однако затвор, как ему казалось, метался взад-вперед до странности медленно. Безволосый практически ослеп – кровь стекала с изуродованного лба в глазные впадины. Боль и ярость направляла неверную руку. Автомат, продолжая единственную очередь, повернулся. Три пули вонзились в голову другого безволосого, – к сожалению, не Майклсона, – и тот рухнул замертво.

...Тут в магазине кончились патроны.

Парень с располосованной физиономией протяжно застонал, оружие выскользнуло из ослабевших пальцев. В тот момент, когда раздался металлический лязг, Курт уже мчался к четвертому телохранителю.

У того наконец получилось достать пистолет – большой никелированный кусок железа. Длинный ствол повернулся в сторону приближающегося Волка. И раздался выстрел. Курт, не снижая скорости, пригнул голову к левому плечу. Рядом прожужжало что-то злое и горячее. Но и бессильное также – Страйкер смог уклониться без особых усилий. Ствол глядел прямо на него, а потому Курт фиксировал каждое его колебание.

Еще он мог видеть, как распахнулись глаза безволосого, и как сменялось в них выражение. Зрачок расширился, словно диафрагма объектива, заполняя собой всю радужку. Гнев и торжество сменились отчаянным ужасом, будто кто-то вставил другой негатив. Приблизившись вплотную, Волк смог рассмотреть собственное отражение – оскаленная морда с горящими глазами, торчащая из дыры капюшона.

Эта картина Курта ничуть не отрезвила. Первый раз в жизни он выпустил вожжи самоконтроля. Ни Заветы, ни назидания старших для него уже ничего не значили. Огонь в бумагу не спрятать. Древние инстинкты и тайные желания вырвались наружу.

Отмахнувшись от пистолета одним ударом когтистой лапы, Волк бросился на безволосого. Хотя тот был выше ростом и крепче в плечах, сопротивление оказалось почти символическим. Курт ударил кулаком под дых, – костяшки врезались в титановые пластины бронежилета. Но это было нестрашно. Сила удара отбросила безволосого на асфальт. Волк прыгнул следом, и еще в полете нанес финальный удар. Указательный палец правой руки вонзился в глазницу, проник в мозг.

Второй глаз по-прежнему фиксировал отражение убийцы.

Курт выдернул палец и поднял голову. Ему пришлось приложить некоторое усилие, чтобы вспомнить главное. Род Майклсон – так звали ту трясущуюся гору жира, которая семенила, то и дело оглядываясь, в сторону распахнутой двери. Обнаружив, что четвертый телохранитель также вышел из строя, толстяк засеменил еще быстрее.

Волк пружинисто поднялся на ноги и облизнулся. В желтом проеме двери мелькали какие-то тени, доносились чьи-то голоса, говорившие на повышенных тонах. Майклсону оставалось преодолеть всего несколько метров. В этом случае, вероятно, Страйкеру и впрямь пришлось бы изучить внутреннее убранство борделя. В своем нынешнем состоянии Волк ничего не имел против. И все же жажда убийства оказалась сильнее.

Свою жертву он настиг двумя прыжками.

Второе приземление имело место уже на широкой спине Рода. Тот не устоял, споткнулся и рухнул, будто подрубленное дерево (как показывали по головизору).

Из глотки вырвался испуганно-жалобный всхлип.

– Не делайте этого, прошу вас!.. – взмолился Майклсон. – Я заплачу, отдам сколько нужно!..

Возможно, в другое время Курт и обдумал бы его предложение.

Но не сейчас.

Распахнув пасть, он нагнулся и вонзил зубы в толстую шею. Густая кровь стремительно наполнила рот. Она была соленая, горькая и совершенно не вкусная. Поэтому Волк не стал глотать, а лишь вгрызался в мышцы и сухожилия. На глаза ему навернулась багровая тьма, сердце бешено колотилось под ребрами. В голове сверкали огненные вспышки.

Экстаз убийства не подвергался описанию. Это доступно лишь зверю.

Венозная и артериальная кровь смешивались, порождая единый коктейль. Его вкус был запретным и пряным, а запах – насыщенным и первозданным. Но, как ни странно, его заглушал

другой – тот, что Страйкер уже ощущал, когда сидел в засаде. Дорогие духи так и забивали ноздри.

Наконец в голове немного прояснилось. Отстранившись, Курт понял, что терзает мертвое тело. Шея Майклсона превратилась в одну сплошную рану, откуда свисали лохмотья артерий и мышц. Белел позвоночник. Кровь, журча, стекала на асфальт. Вокруг головы успела образоваться не мелкая лужа – непроницаемая, матово-черная. Свет из окон отражался в ней разноцветными светлячками.

Правая нога Рода отбивала какой-то рваный ритм.

Волк вскочил на ноги. В дверном проеме показались какие-то фигуры, но, взглянув на жуткую картину лишь мельком, поспешили захлопнуть дверь. Некоторые из окон, раздвинув шторы, выставляли напоказ роскошное убранство. На этом фоне маячили силуэты – тонкие и хрупкие. Привлеченные пальбой и криками, они старались что-либо разглядеть в ночной тьме.

Страйкер машинально оправил капюшон. Оглядевшись, он мало-помалу сознавал, что все это – его рук дело. Верилось с трудом. Впервые за долгие годы кто-то из Стаи преступил Завет, совершив это намеренно, да еще в ТАКОМ количестве. Старейшине, вне сомнения, подобное и в кошмарном сне присниться не могло.

Но об этом позже. А пока – рвать когти, – решил Курт. В борделе, вероятно, уже успели вызвать полицию. Бравые офицеры, как известно, неустанно охраняют покой платежеспособных клиентов.

Волк развернулся и направился в сторону ворот. В голове прояснялось, он с удивлением оглядывался по сторонам. Память о проделанном мелькала в голове огненно-красными вспышками. Вот телохранитель, булькая, зажимает изувеченное горло; вот мелькнула когтистая лапа...

Проходя мимо безволосого с пробитой глазницей, Страйкер помедлил. В голову ему пришла странная идея. Но – почему бы и нет?.. Нагнувшись над бездыханным телом, Волк поднял пистолет и принялся разжимать мертвые пальцы. Те поддавались с трудом, будто дух телохранителя не желал и в загробном мире расставаться с оружием. Но наконец рукоять оказалась свободна. Курт поднялся на ноги и сунул пистолет за пояс.

Другой безволосый лежал в двух метрах. Пули разворотили череп, снесли часть скальпа и обнажили мозг. Страйкер хладнокровно взглянул на белое лицо, после чего снова нагнулся. К этому трупу он имел только косвенное отношение. Откинув полу пиджака, Курт достал из кобуры пистолет – увесистый, черный, с массивной рукоятью.

На поясе безволосого, рядом с портативной рацией, висел мобильный телефон. Заметив его, Волк мгновение помедлил, но в итоге покачал головой. Эта штука могла выдать его с потрохами.

Спрятав второй пистолет, Курт поднялся и продолжил путь. Парень с разодранным лицом лежал у капота «Крайслера». Он продолжал тихо подвывать и зажимать руками кровоточащие раны. Глазницы были покрыты изрядным слоем полусвернувшейся массы. Веки, и, вероятно, глазные яблоки тоже были повреждены. Страйкер при всем желании не мог бы вспомнить, куда он метил, и какую преследовал цель. (Хотя, впрочем, с целью все было ясно.) Даже при самом компетентном хирургическом вмешательстве эти шрамы останутся до конца жизни. Тем не менее, он останется жив – превратится в мужчину, и станет с гордостью демонстрировать коллегам страшные следы, оставшиеся с той самой ночи, когда лишь ему удалось уцелеть во время Резни на Тисовой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.